

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383>
<https://elibrary.ru/XJTWIQ>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Виктор Шкловский и западная славистика: К длинной предыстории одного короткого разговора с Катериной Кларк¹

© 2026, Д.М. Цыганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье предпринимается попытка очертить контуры и вероятные направления решения сложной исследовательской проблемы, возникшей в результате длительных и подчас противоречивых взаимоотношений В.Б. Шкловского с западным сообществом гуманитариев. На основе эпистолярного наследия, мемуарных свидетельств, каталога личной библиотеки и ранее не публиковавшихся материалов из семейного архива Шкловских-Корди подробно прослеживается менявшееся отношение Шкловского к структурализму и ассоциированным с этим направлением гуманитарного знания ученым. Рассматривается парадоксальная ситуация интеллектуальной биографии Шкловского: при невладении иностранными языками и субъективном ощущении изоляции от мирового научного процесса Шкловский в 1960–1970-е годы становится одной из ключевых фигур для западного структурализма, переоткрывшего наследие ОПОЯЗа. Особое внимание уделяется полемическому диалогу Шкловского с Р.О. Якобсоном, в ходе которого столкнулись две версии генеалогии формализма и две стратегии построения истории гуманитарного знания. Анализируется реакция Шкловского на «структуралистский вызов», выраженная в программных интервью, книгах «Тетива: О несходстве сходного» (1970), «Энергия заблуждения» (1981), «О теории прозы» (1983) и частной переписке. Показано, что, признавая генетическую связь структурализма с формальным методом, Шкловский настаивал на принципиальных различиях в понимании природы художественной структуры, языка и познавательных возможностей искусства. Делается вывод

¹ Настоящая статья продолжает разыскания в области интеллектуальной биографии В. Б. Шкловского, начатой авторами статьи-предисловия к третьему тому его собрания сочинений: [9]. Автор приносит слова глубокой благодарности семье Шкловских-Корди, а также С.И. Панову, Д.С. Московской и В.С. Отяковскому за ценные замечания, многочисленные уточнения, советы, дополнения и интерес к этому исследованию.

о том, что в поздний период творчества Шкловский целенаправленно конструирует собственную версию истории теории, отстаивая приоритет ОПОЯЗа и специфику формализма как особого типа научного мышления, не сводимого к лингвоцентричной модели структурализма. В качестве публикационного приложения к статье приводится неизвестная запись разговора Шкловского с Катериной Кларк 17 сентября 1983 г.

Ключевые слова: В. Шкловский, Р. Якобсон, Катерина Кларк, славистика, формализм, структурализм, интеллектуальная история, история науки, история советского литературоведения.

Информация об авторе: Цыганов Дмитрий Михайлович — научный сотрудник Отдела рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6633-3401>

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Для цитирования: Цыганов Д.М. Виктор Шкловский и западная славистика: К длинной предыстории одного короткого разговора с Катериной Кларк // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 340–383. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383>

То, что я не знал языки, отрезало меня от мира.

В. Б. Шкловский. Из письма к внуку Никите

(20 июля 1969 г.)

Спрашиваю постоянно и не могу понять:

«В. Б., почему Вы так не любите структуралистов?»

Пожимает плечами: «Не знаю». Немного погодя, с улыбкой:

«Потому что они не занимаются сюжетом...».

Из разговоров А.Ю. Галушкина с В.Б. Шкловским

(начало 1980-х гг.)

Виктор Шкловский, в отличие от родного брата Владимира, не знал иностранных языков, о чем неустанно с сожалением (нередко преследуя педагогические цели) напоминал внуку Никите в письмах: «Учи языки. Я здесь как священная корова. Мычу через переводчика»² (30 октября 1964 г.); «Дорогой мальчик, учи языки. Твой дед чувствует себя идиотом. Можно (после школы) писать с ошибками, но нельзя не знать языков. Мне-то особенно. <...> Сегодня из-за незнания языка мне заварили чай холодной водой. Три раза переспросили и сделали» (5 октября 1965 г.); «Очень мешает незнание языка. Все ругают Вавилонское столпотворение, при котором по библей-

² Частично опубликованные письма В.Б. Шкловского к Н.Е. Шкловскому-Корди (см.: Шкловский В.Б. Письма внуку / вступ. заметка и публ. Н.Е. Шкловского-Корди, коммент. Н.С. Бялосинской // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 264–300) цитируются по подлинникам, хранящимся в личном собрании их адресата.

скому мифу бог смешал языки. Пока учи языки» (12 ноября 1967 г.); «...я не знаю прозы Запада, незнание языков меня запирает» (2 мая 1972 г.). Однако это не мешало Шкловскому писать статьи и книги о зарубежной литературе³, посещать страны Европы, выступать с публичными лекциями⁴ и вести беседы с иностранными интеллектуалами. Эти контакты свидетельствовали о том, что внимание к его фигуре в послевоенную эпоху за границами Советского Союза возрастало с каждым годом: расцвет структурализма, вызванный запоздалым «открытием» формализма, сделал Шкловского буквально мифической фигурой, чьи работы во многом определили не только формальные, но и содержательные параметры происходившего тогда дисциплинарного «сдвига» в гуманитарном знании. Куда более скромным и подчеркнуто «смещенным» было запоздалое признание Шкловского в СССР — не *теоретика*, а *литератора*. Это буквально вынуждало его всеми доступными способами преодолевать столь болезненную для него отчужденность от институционально процветавшей славистики, главными центрами которой во второй половине XX в. стали отдельные кафедры в университетах Западной Европы и Америки.

В 1920–1950-е Шкловский, как свидетельствуют его многочисленные работы и обширная переписка, не уделял особенного внимания достижениям европейской философской эстетики⁵, а развитие за рубежом литературной науки и вовсе отрицал (особенно после ошутимого ослабления Пражского лингвистического кружка (ПЛК) в середине 1930-х⁶), как, прочем, отрицал он и «успехи» советского (около)академического литературоведения. По-видимому, ему было достаточно того, что он знал в письменном изложении и устных

³ Ср. в очерке Б.М. Эйхенбаума о Шкловском: «Он обидел многих: одних — тем, что, не зная английского языка и немецкой науки, сумел возродить Стерна, других — тем, что, написав замечательные работы по теории прозы, оказался не менее замечательным практиком» (Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. С. 131). Очерк предназначался для не вышедшей книги о Шкловском в серии «Мастера современной литературы». Попытку широкой концептуализации серии см.: [17].

⁴ См., например: [4].

⁵ По-видимому, исключением могут служить лишь лекции Гегеля, — их Шкловский очень внимательно читал в конце 1930-х — 1940-е по двум томам собрания сочинений (М.: Соцэкгиз, 1938–1940. Т. XII–XIII) в переводе Б.Г. Стоппнера. Оба тома сохранились в личной библиотеке Шкловского и содержат следы позднейшего перечитывания; кроме того, в 1970-е Шкловский читал и другие тексты Гегеля по изданию в серии «Философское наследие».

⁶ Ср. в письме Ю.Н. Тынянова к Шкловскому от 28 февраля 1934 г.: «Роман <Якобсон> мне пишет: “ты и Шкловский сейчас самые актуальные иностранные писатели в Чехо-Словакии. Много статей, споров и т. д.”. Если для тебя это старое соседство временами компроматно — я не виноват. Если как люди мы друг для друга существуем — ты не виноват» (здесь и далее переписка Шкловского с Тыняновым и Эйхенбаумом, хранящаяся в РГАЛИ, цитируется по подготовленной к изданию рукописи).

пересказах коллег по ОПОЯЗу, активно ссылавшихся на тех же немецких эстетиков в текстах конца 1910-х — начала 1920-х. Сосредоточенность на локальном советском культурном контексте (не в последнюю очередь обусловленная языковым барьером) и самоощущение вечного первенства позволили Шкловскому до середины 1950-х почти не иметь в виду развивавшуюся на Западе «любительскую русистику».

За книжными новинками, появлявшимися на Западе, Шкловский специально не следил, несмотря на то что в 1950-е уже вплотную занялся комплектацией домашней библиотеки, в которую должны были непременно войти все важные издания, так или иначе определившие научные пристрастия их обладателя⁷. Об изданных за рубежом книгах Шкловского зачастую информировали коллеги и друзья. Так, о выходе исследования Виктора Эрлиха «Русский формализм» (The Hague: Mouton, 1955) он узнал от Эйхенбаума, который написал ему 11 октября 1956 г.: «У меня на столе лежит книга (из Библиотеки Акад<емии> наук): Victor Erlich — «Russian Formalism». В конце книги — библиография. Из твоих работ указано 22 — начиная «Воскрешением слова» и кончая — «О Маяковском» (1940)»⁸. Выход книги Эрлиха стал для Шкловского и Эйхенбаума важной приметой наступавшего признания, о чем свидетельствует несколько записей в дневнике последнего:

14 октября 1956. Посмотрел книгу, о существовании которой знал давно: «Russian Formalism. History — Doctrine. Автор: Victor Erlich. University of Washington. With preface by René Wellek, Yale University. Mouton & Co. 1955. 'S-GravenLage». Получена в Библ<иотеке> А<академии> Н<аук> (П 12200). Книга умная, со знанием фактов. Много обо мне — с большим признанием. В одном месте (стр. 247) обо мне сказано — «one of the most cultivated and sensitive modern Russian critics». Обо мне говорится в другом мес<те> почти как о мученике: «Nor was this the end of Eichenbaum's ordeal.

⁷ К концу 1950-х — началу 1960-х Шкловский старается отразить в книжном собрании собственный путь в литературе и науке, начав с особым вниманием собирать книги, связанные с собственной деятельностью времен ОПОЯЗа. По свидетельству Н.Е. Шкловского-Корди, «он заново строил свою жизнь и собирал свою библиотеку, — как сказал в последнем интервью, пришедшемся на журнал «Книголюб» в ответ на вопрос: «Какую библиотеку надо собирать?» — «Библиотеку прочитанных книг». И он сам собрал библиотеку прочитанных и перечитанных книг. Он говорил, что хочет написать книгу старого читателя о великих книгах, которые остались новыми...».

⁸ По всей видимости, первого издания книги Эрлиха в личной библиотеке Шкловского не было, однако в ней сохранилось второе, переработанное издание (закономерно не содержащее никаких примет чтения): *Erlich V. Russian formalism: History — Doctrine*. 2d rev. ed. London; Paris; The Hague: Mouton & Co, 1965 (Slavistic printing and reprinting. Vol. IV). Рус. пер. — 1996 г.

In September 1949 *Zvezda* carried a long and scurrilous article by one Papkovskij on “The Formalism and Eclecticism of Professor Eichenbaum”. It is, perhaps, no accident that for or five years Eichenbaum’s name has been conspicuously absent from Soviet publications» (118–119). О Витинных работах (особенно — о «Заметках о прозе русских классиков» 1953 г.) — очень жестко (стр. 117). Да, тут им не все понятно! Эту книгу надо будет потом внимательно прочитать — явление важное!⁹

18 июля <1957>. Вчера ко мне приехал и провел день Аркадий Викторович Белинков. Привез показать рукопись своей диссертации (первую треть) — «Тынянов и Пушкин». Был в лагере — сначала 8 лет, а после них получил еще 25 (за свои рукописи, обнаруженные начальством)! Из них просидел 4½ — и вернулся по реабилитации в 1956 г. Ему теперь 35 лет. Произвел очень хорошее впечатление. Человек, видимо, талантливый, мыслящий и много знающий. Рассказывал, как Д. Благой докладывал в ИМЛИ об «эстетических корнях Опыаса». Наши лавры (книга В. Эрлиха) не дают им покоя! До Благого содержание этой книги (в виду незнания сотрудниками Инст<иту>та «языков») излагал В.Ф. Асмус¹⁰.

Со второй половины 1950-х прежние редкие контакты Шкловского с заграничными учеными возобновляются — тогда и начался осознанный путь теоретика на Запад. 11 июля 1956 г. Р.О. Якобсон¹¹ писал в Москву: «В недосказанной обрывистости наших с тобой московских недавних встреч сила грусти и дружбы. А впереди нас беседа по существу, гамбургский счет прошлому и будущему»¹². Вяч. Вс. Иванов, бывший свидетелем назревшей во второй

⁹ Эйхенбаум Б.М. [Дневник], 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 28.

¹⁰ Эйхенбаум Б.М. [Дневник], 1957 г. // Там же. Л. 38.

¹¹ Подробнее о взаимоотношениях Шкловского и Якобсона см.: [11; 1; 5]. В личной библиотеке Шкловского сохранилось несколько изданий и отдельных оттисков работ Якобсона: 1) О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин]: Госиздат, 1923. (Сборники по теории поэтического языка; Вып. V.). С посвящением В.Б. Шкловскому и примечанием: «(вместо ответа на письмо в “Книжном Угле”)»; 2) Die Folklore als eine besondere Form der Schaffens // Donum Natalicium Schrijnen: Verzameling van Opstellen door Oud-leerlingen en Bevriende Vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen Bij Gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3. Mei 1929. Nijmegen: N.V. Dekker & Van de Vegt, 1929. S. 900–913 (в соавт. с П.Г. Богатыревым). Оттиск с дарительной надписью рукой Богатырева: «Виктору. Петр. Роман»; 3) St. Constantin’s Prologue to the Gospels // St. Vladimir’s Seminary Quarterly. 1954. Summer. P. 19–23. Оттиск с дарительной надписью: «До скорого свидания! Рома»; 4) За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. № 1–2. P. 305–310. Оттиск с дарительной надписью: «С Новым Годом! С новыми трудами! Рома»; 5) A Bibliography of the Publications of Roman Jakobson on Language, Literature and Culture, published by Friends and Students of Roman Jakobson to mark his thirty-fifth year of significant contribution to these fields. Cambridge: Harvard University Press, 1951.

¹² Цит. по: [10, с. 134].

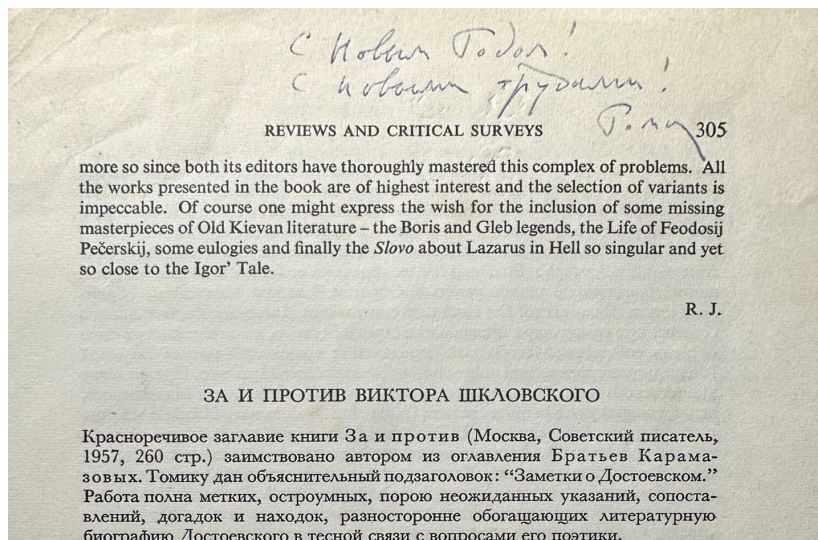
половине 1950-х перемены во взаимоотношениях Шкловского и Якобсона, вспоминал: «В то время приходили к концу отношения со Шкловским. Я видел, как сперва, в первые приезды Романа, они по старой памяти тянулись друг к другу, как во время съезда славистов Шкловский с женой приносили Якобсону в подарок новые книги. Но Якобсон усматривал в последних статьях Шкловского предательство по отношению к себе и не мог ему этого простить»¹³. Безусловно, Якобсон был для Шкловского едва ли не главным соперником, — прежних почти не осталось в живых, а те, кому удалось уцелеть, не воспринимались им сколько-нибудь серьезно. В 1959 г., через три года после обещания «беседы по существу», Якобсон напечатал знаменитую статью-рецензию «За и против Виктора Шкловского», посвященную книге Шкловского «За и против: Заметки о Достоевском» (1957)¹⁴. Якобсон указывал на «досадные пропуски и упущения» Шкловского: «...почти целиком выпала из авторского кругозора немаловажная русская зарубежная литература по Достоевскому, а из советских исследований его поэтики даже не упомянут замечательный труд В.В. Виноградова о риторических формах в Дневнике писателя — “О художественной прозе” (Л.: Госиздат, 1930)» (р. 305). В этом — очевидно — дипломатическом припоминании Якобсоном Виноградова¹⁵ высвечивался и другой важный контекст предпринятого критического выпада: целью статьи было не только указание на очевидные упущения Шкловского — историка литературы, но и полемика с его подходом к созданию научных

¹³ *Иванов Вяч. Вс.* О Романа Якобсоне: Главы из воспоминаний // Звезда. 1999. № 7. С. 153. Примечательно, что к самому «Коме» Иванову Шкловский относился с симпатией, по-видимому, игнорируя его методологические пристрастия, о чем читаем в «Разговорах...» Галушкина: «В. Ш. очень ценит “Кому”. Но, очевидно, сам от себя скрывает, что Кома — структуралист, и связан с так нелюбимым им Лотманом... По крайней мере, когда В. Ш. <Кому> хвалит, то всегда вспоминает только хеттов». Приехали неожиданно, без звонка. У Комы сидело несколько иностранцев, которые при виде В. Ш. вскочили и будто бы даже выбежали в другую комнату. Потом, когда В. Ш. уже сел, так и не решаясь войти, стояли у двери и смотрели, не дыша. В. Ш. очень смеялся, рассказывая это» [2, с. 195].

¹⁴ О существовании этой статьи Шкловскому вновь рассказал Эйхенбаум в постскрипуме к письму от 30 октября 1959 г.: «Да! забыл написать, что в нидерландском научном журнале (выходит в Лейдене) — “International Journal of Slavic Linguistics and Poetics” (1.02.1959) есть рецензия Р. Якобсона на твою “За и против”. Это не столько о твоей книге и о Достоевском, сколько о Маяковском. Интересно».

¹⁵ Ср. в цитированных мемуарах Иванова о IV Международном съезде славистов (1–10 сентября 1958 г.) в Москве: «Зная от меня и от других, что против него в Москве кроме официальных лиц настроены многие, в том числе и полный ревности и зависти к научным успехам Виноградов, Якобсон просил меня сообщить ему о желательности или нежелательности его приезда на Съезд славистов. <...> На съезде Якобсон сделал доклад о системе русских падежей. Обсуждение было оркестровано (видимо, тем же Виноградовым) так, чтобы из доклада во всяком случае не вышло триумфа. Я постарался выступить по сути, нарушив единообразие заготовленных возражений, что потом прибавили к списку моих политических прегрешений (вместе с выступлением по докладу Якобсона в Осло)» (с.144–145).

текстов. Обострившаяся с возрастом футуристическая тактика отрицания любой традиции виделась Якобсону эгоистической попыткой «переписать» историю науки, вычеркнув из нее имена и книги; этого он попросту не мог принять, потому как сам был склонен иначе расставлять акценты¹⁶. Не случайно лейтмотивом в этом тексте стало постоянное указание на сопричастность тому контексту культуры 1910–1920-х¹⁷, к которому без конца апеллировал Шкловский как к области собственного исключительного знания. Ответ Шкловского, получившего от Якобсона эту статью в качестве новогоднего подарка, последовал сразу же.

ЗА И ПРОТИВ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО

Красноречивое заглавие книги *За и против* (Москва, Советский писатель, 1957, 260 стр.) заимствовано автором из оглавления Братьев Карамазовых. Тому дан объяснительный подзаголовок: «Заметки о Достоевском.» Работа полна метких, остроумных, порою неожиданных указаний, сопоставлений, догадок и находок, разносторонне обогащающих литературную биографию Достоевского в тесной связи с вопросами его поэтики.

Оттиск статьи Р.О. Якобсона «За и против Виктора Шкловского»

с дарительной надписью В.Б. Шкловскому, январь 1960 г.

Личное собрание Шкловских-Корды

В апрельском номере «Вопросов литературы» за 1960 г. Шкловский напечатал заметку «Против», в которой подчеркнул, что Якобсон ведет полемику «со всеми зараз» (эта формулировка не вошла в итоговый текст), и дал весьма резкий отпор рецензенту по главному для себя вопросу: «Меняются жизнеотношения, и я не согласен с Ро-

¹⁶ Ср. хотя бы весьма скромную роль, которую Якобсон отвел Шкловскому в своих брненских лекциях середины 1930-х: [13] (рус. пер. — 2011).

¹⁷ Примечательна в этом отношении отсылка Якобсона к своей статье «О поколении, растратившем своих поэтов» (опубл.: *Смерть Владимира Маяковского*. Берлин: Петрополис, 1931) и заметке «Неизвестные стихи Маяковского» (опубл.: *Новоселье*. Нью-Йорк, 1942. № 2) с пространными цитатами (р. 309).

маном Якобсоном, когда он пользуется моей книгой, как поводом для восстановления спора о смысле творчества Владимира Маяковского. [Я против Романа Якобсона]»¹⁸.

2.

Я пытался объяснить в книге другое: чем вызван тот спор, следом которого является литературная форма Достоевского и одновременно, в чем всемирность романов Достоевского, т.е. кто сейчас заинтересован этим спором.

Сам Достоевский говорил: "Только я один героя вывел трагедии подполья, состоящей в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его..." /Цитирую по книге Г.Чулкова "Как работал Достоевский", стр.261/.

Это понимание Достоевского у нас стало общепринятым.

В.В.Ермилов в своей статье "Против ложного истолкования Достоевского"/Коммунист, № 2, 1958/ не согласился в основном

с моей книгой "За и против", но не выходя, как мне кажется, из основных ^{проблем} ~~и~~ ^{на} Споря с докладами американского слависта Мэтьюсона

"Достоевский и Мэлро", В.Ермилов написал в сентябре того же года, что у Достоевского есть то "обвинение мира", о котором написал американец, но прибавляет: "Но Мьютсон забывает сказать о том, что у Достоевского подобные мысли всегда развиваются в жестком споре, в страстном противопоставлении *"pro et contra"* за и против". /Правда. № 270 /14664/ 27.IX.58./.

Толкование ^{и в прочее} этого спора, включенного в самую основу художественного построения произведений Достоевского, ^{т.е. в основу} ~~состоит~~ ^{становится} общепринятым и употребляется без сносок, ^{это, впрочем,} ~~это~~ ^{так} ~~неотмечено~~ ^{не отмечено} и не ~~стало~~ ^{стало} в ~~статье~~ ^{статье}.

Но оно становится неправильным тогда, когда его без оговорок применяют к творчеству других писателей, писавших в другое время; берут произведения вне времени, т.е. вне конкретности формы.

Фрагмент статьи В. Б. Шкловского «Против», февраль 1960 г.

Машинопись с неучтенной правкой автора.

Личное собрание Шкловских-Корди

Возникшая вокруг имени Маяковского интернациональная полемика Шкловского с Якобсоном представляла собою спор вокруг

¹⁸ См.: *Шкловский В.Б.* Против // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 98–101. Среди рабочих бумаг Шкловского сохранился экземпляр машинописи с не учтенными при публикации правками автора; по этому экземпляру мы и цитируем статью, заключая не вошедшие в итоговый текст фразы в квадратные скобки.

эстетического наследства авангардной культуры¹⁹. А введение в полемику частных биографических контекстов снижало роль абстрактных эстетических наблюдений и превращало ее в спор двух интеллектуалов, равно претендовавших на риторическую гегемонию в вопросе построения культурной истории. Именно поэтому, как кажется, Шкловский в ответе Якобсону подключает в качестве аргументации сугубо советские культурно-идеологические конструкции, как бы реконтекстуализируя спор, помещая его в такое окружение, в котором Якобсон попросту не ориентируется. Не случайно А.Ю. Галушкин писал, что Шкловский основывает свою критику «на уже высказанных в советской печати оценках, обнаруживая почти текстуальные с ними совпадения. Смысл такого тактического хода вполне понятен: солидаризируясь с советской академической общественностью, Шкловский заранее отодвигает возможные упреки в близости своих взглядов на Достоевского и якобсоновских — на Маяковского. Не лишне будет напомнить о том, какую остроту в то время приобрели дискуссии о Маяковском в связи с выходом 65-го тома «Литературного наследства» <«Новое о Маяковском» (1958)>» [1, с. 138]²⁰.

Начатая в 1961 г. в «Знамени» публикация мемуаров Шкловского, позднее напечатанных отдельной книгой, сохранила следы оживленной полемики с Якобсоном; ср.: «Былой друг Роман Якобсон, я не согласен с тем, что ты пишешь о друге нашем Владимире Маяковском. Ты ошибся на целый океан. <...> Я защищаю великую систему Маяковского. У поэта была большая выговоренная жизнь, большая любовь — революция. Он, любя, звал к себе и к своим. Не надо пытаться переводить Маяковского на другие пути, переведа для этого стрелку его давней любви»²¹. Однако в книжное издание 1964 г. эти эмоциональные пассажи включены не были²².

¹⁹ Ср. в письме Шкловского к Ю.Г. Оксману от 1 октября 1966 г.: «Свои отношения с Романом я сохранял сорок лет, но сохранять их стало нельзя. Вопрос о том, кто родил Володю, с кем он — это вопрос нашей истории, а не склоки. Роман захотел переселить Володю к себе. Володе было плохо, но он сам знал, чей он» (Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / публ. А.В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 139).

²⁰ Подробнее об истории литнаследского тома о Маяковском см.: [3].

²¹ Шкловский В.Б. Жили-были // Знамя. 1961. № 9. С. 180–181.

²² Ср. в письме Оксмана Шкловскому от 21 сентября 1966 г.: «Я перелистал, кстати сказать, новое издание твоих мемуаров. Оказывается, в нем нет не только меня (по сути дела, это и не так важно — я ведь эпизодический персонаж в твоей эпопее), но ты даже не упомянул Романа Якобсона, без которого не может быть воспоминаний об ОПОЯЗе и твоей литературоведческой молодости. И как ты мог пойти на такое надругательство над историей, найдя едва ли не одновременно такие сильные слова для разоблачения фальши мемуаров К. Зелинского! Я даже не знаком с Романом и не люблю его писаний, но в этой перестраховке (кстати, совсем не рациональной) не могу тебя оправдать. Говорят, что он в августе во время своей триумфальной поездки по Грузии очень резко в одной из своих вольных речей квалифицировал твоё отношение к истории (по поводу страниц об ОПОЯЗе

Конец хрущевской оттепели стал для Шкловского временем наиболее интенсивных поездок по европейским странам и, следовательно, периодом частичного преодоления столь тяготившей его ограниченности. Для точности следует отметить, что статус Шкловского в СССР на тот момент был почти исключительным — его воспринимали как *живого классика, патриарха советской литературы*: гонорары за его книги, печатавшиеся несколькими изданиями тиражами в сотни тысяч, были существенно выше, чем у большинства советских писателей, его юбилеи пышно отмечались в ЦДЛ и т. д. Однако глубинное переживание Шкловского, как представляется, было связано с тем, что всеобщее признание его «поденщины» лишь еще больше оттеняло повсеместное забвение главного дела его жизни — ОПОЯЗа. И тем важнее, что именно к этой стороне его деятельности было приковано внимание молодых интеллектуалов на Западе.

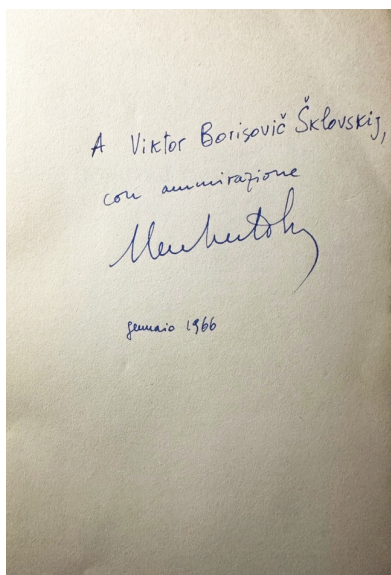
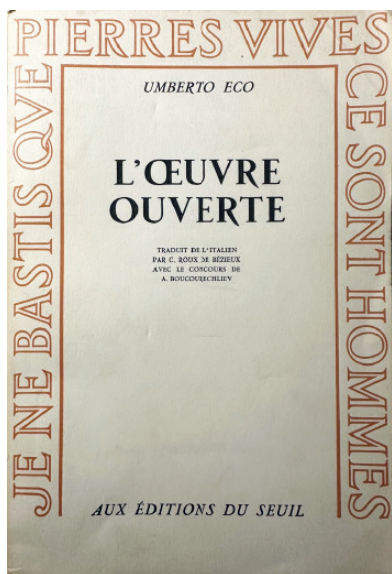
Чаще других стран Шкловский бывал в Италии и Франции, где и завязались его наиболее тесные личные и деловые контакты. В мемуарном очерке «Угол шара» Л.А. Озеров писал об одном из случаев, рассказанных Шкловским:

До глубокой старости Виктор Борисович любил ездить. Дорога оживляла его. Кроме того, в позднюю пору, когда ему была дана возможность ездить, он встретил за рубежом людей, хорошо знающих его по «Теории прозы» и другим ранним книгам.

В Италии, рассказывал мне Виктор Борисович, он появился на кафедре одного из университетов. Люди встали. Он удивился, спросил, в чем дело. «Мы — Ваши ученики» — последовал ответ²³.

в «Жили-были»). И что же — он был на этот раз прав. Прости, если хоть немножко огорчил тебя обращением к этим сюжетам, но сейчас они стали очень актуальными во многих аспектах» (Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского. С. 140; более резкий черновой вариант этого письма и ответ на него Шкловского с жалобой о «нападении» на него Якобсона см.: [1, с. 141]). Отметим, что Оксман был не вполне точен в своих упреках Шкловскому, — Якобсон упоминается в книге пять раз (*Шкловский В.Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М.: Сов. писатель, 1966. С. 201, 212, 442, 444 (дважды)*), однако упоминания эти были сугубо формальными.

²³ Цит. по машинописи из личного архива Шкловских-Корди. В сильно переработанном и сокращенном виде (без процитированного фрагмента) статья Озерова напечатана в: *Озеров Л.А. Угол шара* // Русский язык. 2004. № 20 (356). Об особенной расположенности к Шкловскому именно в Италии свидетельствует и следующая запись Озерова, сделанная 16 февраля 1976 г.: «После моего доклада на юбилее Боккаччо в Италии городок, где родился и жил Боккаччо, сделал меня своим почетным гражданином. Они мне все время оттуда об этом пишут. Но оказывается, что для того, чтобы принять это почетное гражданство, нужно чуть ли не разрешение ЦК. Так мне объяснили в Иностранной комиссии. Теперь они пишут, что приедут сами вручать мне это почетное гражданство. Интересно, как пойдет дело дальше?..» (цит. по: Устный Шкловский // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 365).

*Книга Умберто Эко «Открытое произведение» на французском языке
с дарительной надписью В. Б. Шкловскому, 1966 г.*

Личное собрание Шкловских-Корди

Уже тогда отношение Шкловского к набиравшему популярность структурализму во многом определялось его персональным пристрастиями. В.С. Познер в устном мемуаре вспоминал о примечательном случае, произошедшем в один из визитов Шкловского в Париж в середине 1960-х:

Я вспоминаю шестидесятые годы — один из его визитов в Париж. Узнав о его присутствии группа «Tel Quel» пригласила его. Шкловский позвал меня с собой. Леон Робель и я переводили ему выступления. Их там было очень много, и длинных, Филиппа Соллерса в частности. Потом Шкловского спросили, что он может сказать и что думает об услышанном. Он ответил очень убежденно: «Мне это было интересно, но, извините, мне кажется, что все это мы уже сказали около 1912 года. Мне хотелось услышать от вас что-нибудь новенькое». Наступило смущенное молчание²⁴.

²⁴ Цит. по недатированной машинописи из личного архива Шкловских-Корди. На первой странице документа помета: «Записано Франсуа Сальва» (до этого Познер напечатал небольшой мемуарный очерк (без процитированного нами фрагмента) по-немецки; см.: Pozner V. Viktor Schklowski // Die Weltbühne. 1973. № 6. 6. Februar. S. 181–182). Статья Шкловского «Искусство как прием» была напечатана в журнале «Tel Quel» в переводе Ц. Тодорова лишь в 1965 г. (№ 21. P. 3–18).

Едва ли не главным структуралистом Шкловский считал Ю.М. Лотмана, о котором не раз упоминал, например, в беседах с А.П. Чудаковым:

В результате все же больше говорили о литературе — т. е. о поэтике. В конце шестидесятых — о структурализме. К нему у Шкловского было много претензий: считал, что по сравнению с формальным методом структуралисты не изобрели ничего нового, что они игнорируют динамизм художественной конструкции, понимая ее статично, что они неисторичны, что они пишут искусственным и просто плохим языком, что лингвистические структуры нельзя целиком переносить на искусство, а теорию искусства строить только для поэзии («это проще, но неверно»).

— Вы говорите, что Jakobsona надо отделять от остального структурализма?

Пожалуй. Надо.

Обо всем этом я напишу.

Статья будет начинаться так. У Толстого есть неизвестный рассказ. Человек выезжает в деревню. Разговаривает со своей умершей восемь лет назад женой. Он не знает, из прошлого он или из будущего.

Так и я сейчас смотрю на структуралистов.

Я обманул младенцев.

Они развили сложную терминологию. Я ее не понимаю.

Что пишет Лотман, не понимаю. Но так плохо писать нельзя. Он пишет, как Виноградов. Нельзя писать о литературе и писать так плохо. (Другая запись — 1972 года: «Меня читают. Читают. Но больше (холодно и с обидой) — Лотмана».)²⁵

Как кажется, Шкловский считал особенно важным подчеркнуть несамостоятельность методологических метаморфоз Jakobsona: сперва их направление было определено влиянием ОПОЯЗа, а позднее — трудами структуралистов (и чуть ли не Лотмана²⁶). Отметим,

²⁵ Чудаков А.П. Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 97.

²⁶ Ср. в более позднем разговоре Шкловского с В.А. Кавериним, записанном Вл. И. Новиковым 16 марта 1982 г. (речь в разговоре шла о Тыняновских чтениях): «Каверин: Не так много. Придут, наверное, человек двадцать пять, у нас не приглашаются второстепенные литературоведы, а только крупные. Лотман будет... Но очень жаль, что не будет тебя, хотя горяча ты однажды сказал: я поеду.

Шкловский: Лотмана я не люблю. Когда-то, чтобы отвлечь молодежь от политики, в гимназиях стали преподавать греческий язык. Но не было людей, которые знали бы греческий, и их везли из Германии, поэтому русский язык они знали плохо. Вот Лотман мне кажется человеком, привезенным из какой-то другой страны. Он любит иностранные слова и не очень точно представляет, что такое литература.

что в личной библиотеке Шкловского тем не менее сохранилось (без дарительных надписей и следов внимательного чтения) несколько выпусков тартуских «Трудов по русской и славянской филологии» конца 1950-х — начала 1960-х.

Бурный повсеместный всплеск интереса к структуриализму провоцировал интеллектуальное сообщество артикулировать собственное отношение к этому направлению гуманитарной теории. Для Шкловского этот момент необходимости заявить о своей позиции настал во второй половине 1960-х: в феврале 1967 г. он завершил работу по подготовке предисловия к итальянскому изданию «О теории прозы», позднее вышедшем в издательстве «Einaudi». В этом предисловии, экземпляр (с правкой, предположительно, С.Г. Нарбут-Шкловской) которого сохранился в архивном фонде Инокомиссии СП СССР²⁷, Шкловский уже наметил приблизительную схему разговора об истории формализма — схему, которую он будет дорабатывать и усложнять до конца жизни (она же отчасти воспроизведена и в публикуемом разговоре с Катериной Кларк). Подробно и намеренно «опрошенно» вводя неискушенного читателя в суть собственных теоретических разысканий 50-летней давности, Шкловский тем не менее весьма замысловато формулировал собственное отношение к актуальной методологии культурной теории — структуриализму:

...структуры, создаваемые в искусстве, отличаются коренным образом от структур, создаваемых наукой. Наука стремится создать точное определение вещей и явлений, — такое, чтобы под определение подходило именно это явление и никакое другое. Она освещает вещи как бы бестеновой лампой. Искусство широко пользуется так называемым образом: сравнениями, определением части по целому, параллелизмами, передачей вещи в определенной эмоциональной

Каверин: Я мало читал его. Но научное направление, которое в 20-х годах придерживалось мнения о том, что главное — форма, оно, по-моему, не очень связано с тем, что делает Лотман.

Шкловский: Нет, это что-то другое совсем... (*После паузы.*) Вот ты остался, я остался. Роман Якобсон уехал и там... Оба обидятся, но я скажу: он там *залотмизировался* (курсив наш. — Д.Ц.). Это как дешевое дерево, которое сверху обклеено слоем ценного дерева. Это не приближает людей к искусству. Пишем ведь для человека, а не для... соседнего ученого... Если говорить про старость, то мне через пять месяцев девяносто. Если говорить о здоровье, то я вот этой рукой за этот месяц написал сто страниц новой книги. И все потому, что мы были к себе безжалостны» (*Новиков Вл.И. Поэтика скандала // Первое сентября. 2003. № 36 (507). 23–30 сентября*). Однако в книге «О теории прозы» (1983) находим такую характеристику: «Структуралисты во главе с Романом Якобсоном...» (*Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 98*).

²⁷ За предоставление этого документа для работы над настоящей статьей благодарим С.И. Панова.

оценке под новым углом зрения, и вскрывает множественное значение единой вещи.

Мир в искусстве познается цельно, но в своем противоречии. Он познается со своей справедливостью и в результате он дается истинной пульсации своей сущности, — не в кажимости, не в восприятии кажимости предмета, а как бы в его сокровенности. В результате проходят тысячелетия и мы сразу или через труд поэтов-комментаторов снова видим мир. Явления мира переживают художественное познание его. Они становятся частью сегодняшнего познания²⁸.

В том же году в вдвоенном (№ 5–6) выпуске американского журнала «Aspen» по-английски было напечатано хрестоматийное эссе Ролана Барта²⁹ «Смерть автора» (*The Death of the Author*; по-французски — в № 5 журнала «Manteia» за 1968 г.), а уже в № 9 словацкого журнала «Slovenské pohľady na literatúru a umenie» за 1967 г. появился перевод взятого у Шкловского интервью «О štrukturalizme». Этот небольшой материал сопровождался примечанием редакции: «Этот текст представляет собой расшифровку магнитофонной записи части интервью, которое было взято редакцией “SP” у Виктора Шкловского в Москве в мае текущего года. Несмотря на то что в тексте неизбежно присутствует импровизация, мы считаем, что его автор интересно и вдохновляюще ответил на вопросы, связанные со структурализмом»³⁰. В этом интервью, быть может, наиболее четко была сформулирована позиция Шкловского по отношению к структурализму как доминирующему направлению послевоенной интеллектуальной жизни, поэтому мы приведем этот небольшой, но выразительный текст, сократив примеры, позднее включенные Шкловским в книгу «Тетива. О несходстве сходного» (1970):

К структурализму у меня есть определенное отношение. И, как родитель, я буду несправедлив. Родители удивляются, когда дети вырастают и рассказывают что-то отличное от того, чему их учили дома. Нет. Давным-давно я закончил книгу с подзаголовком «О несходстве сходного». Она имеет прямое отношение к структурализму.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1993. Л. 8–9.

²⁹ Не вполне удачную, но тем не менее остроумную попытку сопоставить понятийные аппараты Барта и Шкловского см.: [7].

³⁰ Šklovskij V. O štrukturalizme // Slovenské pohľady na literatúru a umenie. 1967. № 9. S. 7. Пер. со словацкого здесь и далее наш. Примечательно, что этот текст не учтен в самой полной на сегодняшний день библиографии произведений Шкловского и работ о нем, составленной Ричардом Шелдоном.

В прошлом, и не так давно, ученые занимались тем, что брали какой-нибудь текст, своего рода «бродячий текст», и изучали, как он переходит из страны в страну, из века в век. Я занят изучением того, почему это не проходит, как этот процесс нарушается, поскольку кажущееся полным сходство имеет на самом деле в отдельных моментах совершенно различное значение. Оно имеет тот же смысл, что и в данной структуре, в данной конструкции, и при кажущемся упрощении на самом деле приобретает совершенно новый смысл. Мы должны понимать, что мир дискретен, прямолинейно-непрерывен, дискретен, как последовательные числа, дискретен, как кванты. Он дифференцирован, хотя мы видим его связанным. В этом разобленном мире, который меняется неравномерно, тем не менее есть периоды мирного развития, периоды потрясений, неудач; в нем живет человечество, которое, пытаясь понять мир, создает модели мира, изменяет их, но не исправляет. Оно исправляет эти модели постепенно, как кто-то исправляет рабочую тетрадь ученика, оно не доводит их до совершенства, как иногда бывает в кино, где «подтягивают» сценарий, обычно откидывая назад уши или голову; но затем структура меняется.

В структуре каждый компонент меняется не сам по себе, а в связи с другими. Примеры таких структур в литературе мы называем литературными школами. И, заметьте, каждая литературная школа, которая покидает нас, гремит, как хлопающая дверь. Когда она приходила, она многое обещала. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Кажущееся чередование структур в литературе — это чередование условностей, к каждой из которых нужно привыкнуть. И в зависимости от того, что это за условность, мы оцениваем структуру. <...>

Каждый жанр имеет определенную структуру. Думаю, это ясно. Были времена, когда люди ходили в больницу, чтобы повеселиться и посмеяться. Это было нелепо. Это было в XVIII веке. Но Пушкин говорил о страхе сойти с ума в стихотворении: «Не дай мне бог сойти с ума. <...> / Не то, чтоб разумом моим / Я дорожил». Он боялся нелепого помешательства. Теперь его никто не боится.

Таким образом, структура, определенный строй, условность, соглашение между читателем и автором, моральное соглашение, различны в разных странах, в разные эпохи. Следует сказать: вы поступили неправильно, на каком основании вы судите, в соответствии с какой конституцией; как писал Ленин в письме Инессе Арманд: «Свободная любовь? Свободная от чего? Где свободная?

Свободен для кого?» И вот, структурализм, который воспринимает мир с обобщенных позиций, с смежных позиций, который понимает мир в целом, не режет, не лечит, но в то же время он видит части мира, он видит их по отношению друг к другу; как сказал Энгельс: «Люди выражают себя в вещах, вещи не существуют сами по себе». Это главная проблема структурализма. В течение очень долгого времени я был благодарен опыту, художественной интуиции, наработкам, которые я приобрел, изучая революционное искусство Октября; я пришел ко многим выводам, к которым пришли и структуралисты. В 1914 году я написал одну из своих первых книг — это была небольшая книга, которая называлась «Воскрешение слова»³¹. Ей уже 53 года. Так что для меня в этом нет ничего нового. Но я не верю, что основой культуры, как думают структуралисты, является структура языка. Язык — это структура; язык — это структура, над которой человечество работало долгое время. Он работал даже тогда, когда у него не было грамматики, когда понимание грамматики не менялось. Он всегда был рядом. Но является ли язык единственной, самой базовой структурой? Альберт Эйнштейн писал в своей книге «Физика и реальность», что, насколько он понимает, — и понимает, по-видимому, хорошо — физик-математик мыслит не словами. Это доказывается, например, тем, что вывод всегда неопределен и удивителен, вывод — это чудо. То есть математика сама по себе является структурой, которую невозможно преобразовать в лингвистическую структуру. Таково мнение величайшего физика и математика.

Или возьмем, скажем, музыкальную структуру. Хотя Толстой, например, сказал, что музыка — это стенография чувств, основанная на тоне, вряд ли это нужно переводить на язык слов или даже на язык чувств. <...>

Это многообразие миров, свобода в этих многочисленных мирах не является независимой от этих миров, она находится за пределами понимания мира, этой великой Вселенной, это понимание, которое освобождает от изначального страха.

Мне кажется, что структурализм опирается на стену языка. Всю свою жизнь я занимался структурой языка. Сам сюжет основан на событиях, на последовательности действий, но он не является составной частью, потому что его можно перевести на язык пантомы, он блуждает, как бы «доязыковой». Например, Тынянов в свое время написал сценарий «Шинель». В то время Борис Михайлович

³¹ В тексте интервью по непонятной причине указано заглавие «За новаторство в музыке и абстракцию в изобразительном искусстве».

Эйхенбаум написал статью, очень хорошую статью «Как сделана “Шинель” Гоголя». Он утверждал, что в основе «Шинели» — язык, манера говорить (сказ), что он ограничивает лингвистическое мышление человека. Позже его мысли повторил на другом материале великий специалист академик Виктор Виноградов, который доказал, что даже «Бедные люди» Достоевского — это всего лишь язык, и что, например, реализм — это языковая система, определенный самоорганизующийся порядок. Ну а Тынянов написал сценарий, и сценарий был сыгран, он попал в другие страны, и все его поняли. Я думаю, все поняли, как сыграл С.А. Мартинсон. Затем сценарий попал в цирк. По сей день Акакия Акакиевича играют клоуны — итальянцы, французы. Говорят, люди Гоголя настолько поглощены своими делами, что их можно понять даже без слов. Таким образом, создается еще одна структура, которая как структура архитектуры, как структура человеческого тела, как все эквивалентные структуры, существующие в мире в сложных взаимосвязях, понятные без перевода. В этой в конечном итоге устаревающей структуре, которая тем не менее имеет огромное значение в нашем споре, особое значение получит литература как способ чувственного воссоздания мира. Однако это не единственный способ овладеть миром. Чтобы объяснить это, я позволю себе небольшое отступление.

Грядет кибернетика. Появятся автомобили, в которых мы будем сидеть, и они сами будут ездить по городу. Они будут ехать очень быстро, быстрее, чем сейчас. Быстрее, чем летают сегодняшние самолеты. Но когда я лечу, я вижу под собою лишь облака. Мандельштам однажды сказал, что географ Палас путешествовал по России в повозке, запряженной воробьями. Он видел каждый шаг муравьев. Мир был осязаемым. Отдавая мир машинам, лампочкам, мы отталкиваем мир от себя; он становится результатом. И разве нам достаточно только результата, и разве нам не нужен процесс, разве мы хотим перемещаться лишь с места на место? Разве нам не нужно движение, ветер, препятствия, встречи? И когда мир прячется в машине, кибернетические машины не будут бунтовать, они лишь отнимут у нас видение мира. Это хуже, чем бунт. Это как крысы, которые воруют нашу еду. Естественно, что крысы воруют сало, даже если оно им не нужно.

Я не собираюсь бунтовать против того, что уже есть. Структуры находятся в противостоянии, структура искусства находится в противостоянии структуре науки, структура науки хочет показать, что этот объект — это именно этот объект, что он однозначен. Структура искусства говорит о двусмысленности предметов, о том,

что Брут любит Цезаря, даже убивая его, что Отелло убивает Дездемону не только из ревности, но и потому, что любит ее, и ревнует он потому, что она слишком красива для него. И Офелия говорит, и я часто это говорю: «Мы все знаем, кто мы есть, но мы не знаем, кем мы могли бы быть».

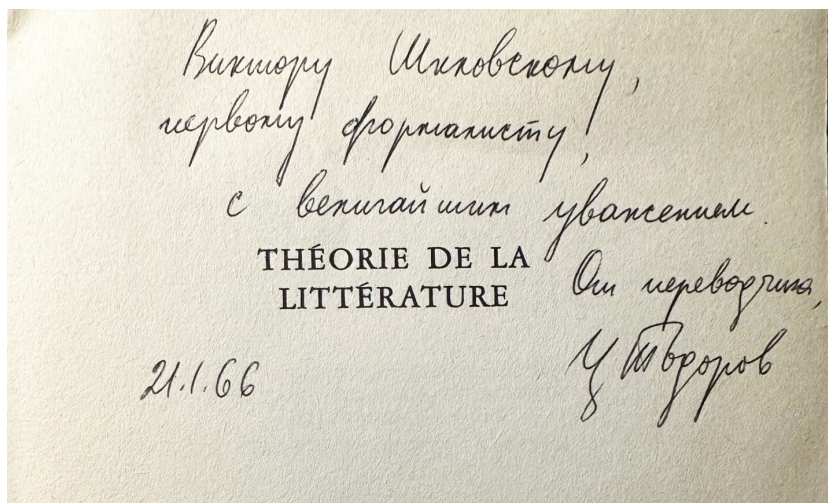
Искусство расширяет человеческие возможности, показывает возможности помещения человека в различные структуры и создания новых структур. Искусство основано на несоответствии структур, на многообразии взглядов. Когда вы входите в старый монастырь, ворота сделаны таким образом, что не позволяют увидеть здание. Вам приходится поднять голову. И вы увидите все купола церквей на фоне неба. Это означает, что они определили вашу способность видеть мир, а не вы видите мир таким, какой он есть. Они заставили вас поднять голову, как просит Данте в «Чистилище». Беатриче, облаченная в одежды богини, едет на золотой колеснице, запряженной животными, и кричит своему любимому другу Данте: «Подними голову!» Искусство всегда говорит: «Подними голову». Или, как писал Маяковский: «Из меня слепым Виим время орет: “Подымите, подымите мне веков веки!”». И это созерцание сегодня и завтра — не простое созерцание, это столкновение миров, многократно увиденных и названных вместе, дающее противоречиям их форм своего рода знание не о внешнем виде, а о сущности мира³².

Отметим, что ключевую мысль этого интервью Шкловский также воспроизвел в письме к внуку от 7 апреля 1971 г.: «В 1919 году (сборник “Поэтика”) я был вождем “Опояза” и автором хороших книг. Поняты они были только у нас (но у нас вскоре был РАП (кажется одно “п”), и до него “Пролеткульт”). На Западе книгу не поняли. Друзья, уехавшие на Запад, ее тогда не перепечатали, хотя бы фотографическим путем. Начался структурализм. “Опояз” был воскрешен у нас и понят на Западе 10 или 12 лет назад. Это первая русская теория, охватившая или охватывающая мир. У нас понят простым “остранением”, но не понят как искусство повторять, не повторяясь. Они (как и Запад) не понимают сходство несходного».

На те же годы пришелся всплеск переводческой активности — бурный интерес к творчеству Шкловского в Европе вызвал волну переводных изданий и переизданий. В период с 1965-го по 1975-й были

³² Там же. С. 7–11. Ср. примечательную реплику Бахтина в разговоре с Чудаковым: «Я считаю Шкловского, — сказал М.М. <Бахтин>, — основателем всего европейского формализма и структурализма. Главная мысль была его. И вообще много, всегда много свежих мыслей. А уж когда нужно было исследовать дальше, это делали остальные. Впрочем, он и здесь много сделал» (*Чудаков А.П. Спрашиваю Шкловского*. С. 101).

переведены почти все написанные Шкловским книги и ключевые статьи (преимущественно ранние), которые вошли в специальные антологии по истории гуманитарного знания. Много их сохранилось в личной библиотеке Шкловского: «Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes» (под ред. Ц. Тодорова; Paris: Éditions du Seuil, 1965. С дарительной надписью: «Виктору Шкловскому, первому формалисту, с величайшим уважением. От переводчика. Ц. Тодоров»), «Russian formalist criticism: Four essays» (пер. с рус. и предисл. Ли Т. Лемона и Мариона Дж. Рейса; Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1965), «Texte der russischen Formalisten I» (под ред. М. Имдала, В. Изера, Х. Р. Яусса, В. Пресенданца, Й. Штридтера; Munchen: Wilhelm Fink Verlf, 1969 (Theorie und geschichte der literatur und der schonen kunste). С дарительной надписью: «С искренним уважением от издателя и редактора. Konstanz, im April 1969. Witold Kośny»), «Poetika ruskog formalizma» (сост. и предисл. Александра Петрова; Beograd: Prosveta, 1970), «Rosyjska szkoła stylistyki» (под ред. Марии Ренаты Майеновой и Зигмунта Салони; Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970. С дарительной надписью: «Виктору Борисовичу Шкловскому с глубоким уважением от издателей. M. R. Mayenowa. Zygmunt Saloni») и др.

Титульный лист сборника «Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes» с дарительной надписью Ц. Тодорова В. Б. Шкловскому, 21 января 1966 г.

Личное собрание Шкловских-Корди

В те же годы литературная работа Шкловского стала предметом активного научного изучения. В 1965 г. вышло второе издание книги Эрлиха, а в 1966 г. Ричард Р. Шелдон защитил в Мичиганском университете диссертацию «Viktor Borisovič Shklovsky: Literary Theory and Practice, 1914–1930» (экземпляр диссертации сохранился в личной библиотеке Шкловского³³). Все это спровоцировало некоторый ревизионистский импульс, который вел не столько к пересмотру западным научным сообществом собственных интеллектуальных ориентиров, сколько к обнаружению подлинного значения, которое имели ранние работы Шкловского на формирование дисциплинарных и методологических рамок славистики.

Славистика, будучи по сути своей грандиозным научно-идеологическим проектом, внутренняя конструкция которого была продумана и выстроена Jakobsonom, по-особенному конструировала свою предысторию: Шкловскому в ней отводилось более скромное место, чем он сам его оценивал³⁴. Это не могло не повлиять на общий тон разговора о западной научной традиции³⁵. Указывая на принципиальные методологические расхождения и упирая на «чуждость» выработанного структурализмом способа «делать» науку, Шкловский

³³ Сохранилась и вышедшая в 1977 г. библиография сочинений Шкловского и работ о нем: *Sheldon R. Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him*. Ann Arbor: Ardis, 1977. С дарительной надписью: «Виктору Борисовичу — надеюсь, что эта книга и перевод “Третьей фабрики” Вам понравился. Спасибо за Эйнштейна».

³⁴ Подробнее см.: [15]. Дело в том, что предложенная Jakobsonom версия методологического источника формализма (по преимуществу — лингвистические штудии Ф. де Соссюра) была агрессивно подхвачена его последователями, см.: [16] (рус. пер. — 2001 г.); эта же точка зрения позднее была поддержана работами исследователей формализма, см.: [18, р. 43]. Иной подход к решению этого вопроса см. в: [19] (в библиотеке Шкловского сохранился экземпляр с дарительной надписью: «Дорогому Виктору Борисовичу от одной из его поклонниц Евы Йосифовны Томпсон. Rice University. 9 февраля 1972»), [14]. См. также: [6].

³⁵ Ср. в записях Чудакова: «— Jakobson разобрал “Я вас любил”. Говорит: ни одного тропа. Но все стихотворение — целиком троп, развернутая литота. Автор сдерживается, он преуменьшает горе. Это единственное стихотворение, где Пушкин говорит “Вы”. Везде он с любовью на “ты”. Jakobson этого не знает».

Вскоре Шкловский написал об этом разборе Р. Jakobsona резко критическую статью <“Поэзия грамматики и грамматика поэзии”> в “Иностранную литературу” (1969. № 6), что их навсегда поссорило. К. Поморска рассказывала, что после этого Шкловский послал какую-то свою работу Jakobsonу, но тот ее вернул. Ссору Шкловский переживал тяжело, говорил о ней со слезами на глазах.

— Jakobson много писал об Опызе. Часто на меня ссылался. Ссылался — не переиздал. Переиздали другие. Все думаю: кто виноват? Он в одном виноват: очень давно за границей.

О Jakobsonе в эти годы вообще говорил часто» (Чудаков А.П. Спрашиваю Шкловского. С. 94). О том же позднее писал Галушкин, опираясь на упомянутую статью Ронена: «... именно в этом <1964> году, во время очередного приезда Jakobsona в СССР, Шкловский предпринял попытку примирения с бывшим другом. Он послал Jakobsonу свою книгу “Лев Толстой” с дарственной надписью “Ромка, ты меня не понял, нам надо объясниться, прости меня, здесь очень жарко и коньяк, и я путанюсь. Витя”. Jakobson отослал книгу обратно, написав поперек надписи бывшего друга: “Советую тебе никогда не путаться, даже за коньяком”. Об этом ответе Jakobson рассказывал и Б. Янгфельдту, добавляя, что в своей надписи он “напомнил о причинах ссоры”» [1, с. 140].

как бы припоминал ученым, что «обед уже съеден»; их же попытки «воскресить» формальный метод он оценивал скорее как спекуляцию на его имени³⁶. Появившаяся в «Иностранной литературе» (1969. № 6) полемическая статья Шкловского «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» стала ответом на одноименную давнюю публикацию Якобсона в польской «Поэтике»³⁷. Личное отношение Шкловского (неустанно подчеркивавшего свое первенство в обнаружении всех теоретических проблем) к автору обсуждаемой работы особенно четко выразилось именно в связи с реакцией на структурализм, который, по его мнению, существенно обеднил методологическую оснастку Якобсона, сообщил ей некоторое «инерционное» движение к предзаданным смыслам:

Терминология необходима, и, может быть, я ей завидую, но она может обратиться в новую, техническую латынь, в которой новизна термина заменяет точность термина. Новизна заставляет предполагать, что за новым словом стоит какое-то уточнение явления, прежде не анализированного.

Роман Якобсон — большой ученый, объединивший работы де Соссюра, работы русского профессора Щербы, работы опоязевцев, начатые в 1915 году.

Роман Якобсон руководил московским лингвистическим кружком с интереснейшими учеными, в частности, с Григорием Винокуром. Потом перенес свою работу в Прагу; пражская лингвистическая школа на материале осознания языковых построений как структуры создала само понятие структуры как замкнутого построения, части которого объединены так, что целое может существовать, изменяя свое применение, и развиваться на основании своих в самой системе заложенных законов.

Структурализм родился в лингвистике. Та статья Романа Якобсона, о которой я сейчас говорю, содержит в себе, как мне кажется, некоторые инерционные моменты структурализма как явления, рожденного в анализе языка и пытающегося остаться в языке, то есть пытающегося перенести законы языковых структур на структуры других порядков.

Надо отличать генезис явления, то есть его происхождение, от значения явления.

³⁶ Подробнее см.: [20].

³⁷ См.: Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa: Polska Akademia Nauk; Institut Badan Literackich; Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. С. 397–417.

Генезис иногда бывает только входом в страну новых отношений. Молодой Маяковский, кажется в 1912 году, говорил, что люди, глядящие сухих кошек сухой рукой, добивались рождения непонятных искр — это было электричество.

Янтарь и шерсть были прародиной электричества, но электричество бесконечно шире своего генезиса. <...>

Генезис теории структурализма ясен. Методология была создана в лингвистике, но должно быть осознано рождение структурализма как общей системы.

Язык не единственная структурная область; обряды, игры, этикет и нравы, математика являются огромными областями, существующими структурально.

Мои работы в теории искусства были посвящены анализу сюжетов, анализу структур, составленных из событий — действий — происшествий. Не надо думать, что за обрядом, или за системой сигнализации, или за физическим построением, охватывающим связь явлений мира, лежат слова³⁸.

В этом отношении показательными оказываются также и личные свидетельства Шкловского в частной переписке, содержащие попытку рефлексии над сделанным в науке о литературе; ср., например, в письме к Внуку от 20 июля 1969 г.:

Я создавал науку. Удачи шли сплошняком с 1914 по 1926 год. Были одни победы. Они избаловали меня, и я забыл обычную работу, стал сразу председателем ОПОЯЗа, руководителем. То, что я не знал языки, отрезало меня от мира. Потом я ушел в литературу и кино, опять имел удачи и злоупотреблял легкостью успеха. Злоупотреблял удачей. Презирал оппонентов и даже обычно не читал их. Тут еще вторичную роль сыграли цензурные условия и необходимость зарабатывать. В результате я прожил разбросанную и очень

³⁸ Шкловский В.Б. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Иностранная литература. 1969. № 6. С. 223, 224. О структуралистской терминологии Шкловский позднее напишет в «Энергии заблуждения» (М.: Сов. писатель, 1981): «То многое, что сделано структуралистами, известно мне, но я вижу очень много терминологии, вероятно удачной, во всяком случае, точной, но не знаю, как подойти по ступеням этой терминологии к сущности произведения. Структурализм увлекся обложкой. Надо сказать точнее. Структуралисты занимаются упаковкой предмета, а не самим предметом»; и далее: «То многое, что сделано структуралистами, мне известно, но вижу много терминологии, вероятно удачной, но не знаю, как подойти по ступеням этой терминологии к сущности произведения. Сложилось впечатление, что структурализм начал анализ стиха на льдине; льдина была около берега, потом льдину унесло ветром в море и люди не знают, плакать, или кричать, или довольствоваться тем, что все так вот вышло: они в пути» (С. 110, 150).

трудную и противоречивую жизнь. Я сжигал огромный талант в печке. Ведь печь иногда приходится топить мебелью. Эйзенштейн уверял, что цемент среднеазиатских зданий иногда замешивали на крови. Я пропустил время занятий философией. Шел без карт. Потом пришло разочарование. Молчание. И то, что я в одной книге назвал «поденщина». Мировое признание запоздало на 25 или даже на 35 лет. Теперь я признан. Теперь мой прежний друг Роман Якобсон утверждает, что он, а не я, создал то, что называлось «формальным методом» и что родило структурализм. Идет поздний и ненужный спор и об этом тоже много пишут.

Многочисленные попытки Шкловского обозначить собственное место в истории науки и истории литературы (по-видимому, он не проводил между этими сферами жесткой границы) уже в 1960-е обнаружили его претензию на *уточнение* роли ОПОЯЗа в общеевропейском интеллектуальном контексте середины — второй половины XX в.

Рубежным в этом отношении стал 1970 г., когда в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Тетива: О несходстве сходного», которую Шкловский считал «очень сложной», — в письме внуку от 11 июля 1967 г. читаем: «Кончил книгу “О несходстве сходного”, подзаголовок “Тетива”. В книге 350 страниц и она очень сложная. Я устал так, как будто оклеил восемь лодок. Но моя лодка уже поплыла в издательство. <...> Это очень сложная книга. Может быть, самая сложная за мою жизнь». В этой книге Шкловский вновь обратился к критике методологии структурализма, уточнив предложенную им в приведенном выше интервью позицию:

Структуралисты выявили понятие структур, то есть понятие такого взаимоотношения частей, которое определяет друг друга таким образом, что изменение одной части вызывало бы изменение смысла и значения всех других частей. Наиболее разработанные структуры — структуры языка. Мы щупаем мир словами так, как слепые щупают мир пальцами, и невольно мы переносим взаимоотношения нашей языковой структуры на мир, как бы считаем мир языковым явлением. Может быть, это является разумным самоограничением.

Но существует структура, называемая искусством. Я иначе говорю с ребенком, иначе говорю со своим старым товарищем, иначе говорю с бухгалтером, все еще иначе говорю с женщиной. Я могу изменять структуру своего языка. Но в общем языковая структура

не зависит от меня. Она существует тысячелетия. Мы познали ее с детства, в ней выросли.

Структуры искусства в каком-то смысле однократны, как загадка, предложенная Самсоном филистимлянам.

Для творца структура искусства — нечто как бы им создаваемое. И он сознательно, иногда бессознательно в усилиях познать действительность, выбирает структуры, определяет границы и взаимоотношения сопоставленных, выбранных смыслов. Он сопоставляет разные структуры искусства, переносит законы одной структуры искусства на область другой структуры, — будем называть их подструктурами.

Структуры искусства находятся в некотором волевом распоряжении человека и соотносятся с другими сложными способами.

В книге часто употребляется слово «конвенция», оно не совпадает с понятием структуры.

Конвенция — это условия взаимоотношения структур, которые автор невольно заключает между собой и теми, кому он делает сообщения, и иногда теоретически осознается. <...>

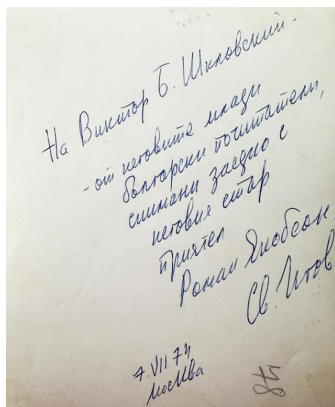
Искусство создает ощущение, отмечает изменения смены. Язык помогает человеку оструктурировать переживания. Язык помог человеку оструктурировать культуру, создать системы, стоя на которых человек остается самим собой и принимает опыт прошлого. Он движется, как бы стоя на неподвижном.

Представление о поэзии как об отражении грамматики не делает поэтику математикой³⁹.

Не случайно в книге в переработанном виде была перепечатана и статья с критикой поэтологических построений Якобсона, первоначально напечатанная в «Иностранной литературе». В нее не вошли приведенные нами выше фрагменты с персональной адресацией, а критика лишилась предметного характера, получив статус своеобразной манифестации.

И вновь материалы частной переписки позволяют более точно воссоздать контекст размышлений Шкловского, пытавшегося «на пальцах» объяснить своим адресатам суть предложенных им объяснительных схем взаимодействия формализма и структурализма. Так, в письме из Ялты к кинодраматургу и литературоведу А.М. Марьямову от 17 ноября 1971 г. Шкловский предложил свою версию генеалогии структурализма:

³⁹ Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. М.: Сов. писатель, 1970. С. 119–120.

Фотография Р.О. Якобсона и болгарских славистов с дарительной надписью на болгарском языке С.А. Игова, 7 июля 1974 г.

Личное собрание Шкловских-Корди

Дорогой Саша!

Пишу тебе письмо, потом, когда приеду, поговорим об нем.

Формальный метод родился от футуризма. Он результат его понимания и оправдания его методов нахождением сходства в фольклоре и старом романе. Так родился формальный метод и в нем остранение. Он дал анализ вне содержания и даже отрицал его. Он дал кристаллографию искусства.

Это ОПОЯЗ.

От него родился структурализм. Он упоминал нас, но не переиздавал мои книги. Я говорю о Романе Якобсоне. Не переиздавал, т. к. я научил их отделять прием (схематы греков) от функции. Пропп отделил мотив от функции, но это частности. Я оказался под нажимом и выговорил все от формального метода. Структурализм развивался, вспомнил или осознал связи с гегемонством <sic> и марксизмом. В сомнении и раскаянии я написал «Тетиву», сделав обобщения сдвига как частный случай помещения (переноса) явления в иной семантический ряд. Родился «Человек не на своем месте». Развилась теория искусства (главным образом прозы). Но это я отделил сюжет-конструкцию от событийного ряда. Структурализм имеет в своем генезисе и явления других наук с повторением конструкций в иной сознательно выбранной функции. Разделение языка на поэтический и прозаический, отделение искусства от иных форм информации у них потеряно. Они переносят структуры информационного языка на искусство. Этот спор идет с 1920 года.

Идет вопрос об том, что такое «мир» и «действительность». Сейчас в гносеологии структуралистов мир это система структур и сверхсистем.

1) По-моему системы науки — это системы модели. Структуры познания служебны и смещаются как резцы при точке предмета в станке. Цель — обработка.

2) По-моему система искусства — это система познаний при помощи создания противоречий. Цель — ощущение.

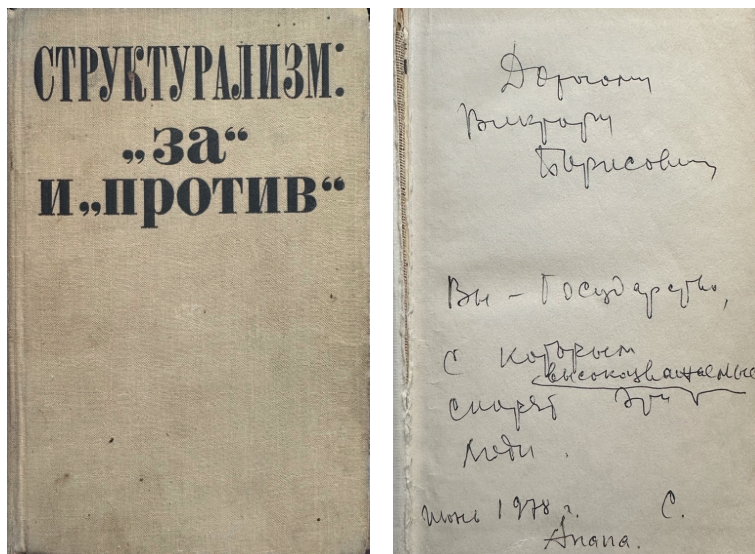
1) Это узнавание через включение в систему.

2) Это видение через вырывание из системы.

Я начал работать в 1914 году, сейчас — 1971. Прошло 55 лет. Считаю... После обходного, обусловленного обстоятельствами (рельеф местности) пути я остался на правильном пути, так как только он сохраняет два вида познания и открывает, для чего существует и как долго будет существовать и для чего будет существовать искусство.

Ну, до встречи.

В. Ш.⁴⁰

Сборник «Структурализм: “за” и “против”» (1975) с дарительной надписью соредактора книги М.Я. Полякова (?) В. Б. Шкловскому.

Личное собрание Шкловских-Корди

⁴⁰ Цит. по: «Буду писать письмо. Фильма подождет»: Переписка Виктора Шкловского и Александра Марьямова // Новый мир. 2012. № 12. С. 149. Опубликованный текст письма мы сверили с подлинником.

Многочисленные попытки возобновить разговор об ОПОЯЗе — примета непростого положения, в котором тогда оказался Шкловский. Переиздать свои старые ключевые работы он не мог: подобная практика для еще живого, активно работавшего писателя не была предусмотрена советскими издательскими конвенциями (именно поэтому, например, сорвалось издание двухтомника ранних работ, о котором он вместе с А.П. Чудаковым хлопотали у М.Б. Храпченко). Поэтому в «новых» книгах Шкловского все множились пересказы и «припоминания».

Последним и наиболее развернутым высказыванием Шкловского о методологических проблемах славистики стала книга «О теории прозы» (М.: Сов. писатель, 1983; далее при цитировании страницы указаны в тексте), в которой была предпринята попытка принципиального разграничения формалистской и структуралистской аналитических оптик. Последовательная «деконструкция» структуралистской методологии в этой книге затронула ключевые теоретические аспекты «мощного, неутихающего течения», которое «не менее сорока лет спорит» с последним формалистом. Шкловский подверг критике:

1) положение о генетическом родстве формального метода и структурализма — ср.: «Взаимоотношения формального метода и структурализма. Прежде всего: все названия всегда неверны. У академика Веселовского на двух или на трех страницах дано шестнадцать определений романтизма. И так как он был человек академический, то ни на одном определении не остановился. Мы называли себя формалистами, называли и “опоязовцами”; структуралисты, кажется, сами крестили себя, назвавшись структуралистами. <...> Теперь об отношении структурализма к формализму. <...> Какие отношения между формализмом и структурализмом? Мы спорим, это две спорящие школы» (с. 80–82);

2) положение о методологической общности формализма и структурализма и общности же объекта исследования — ср.: «Мы формалисты — это название случайное. Вот я, Виктор, мог быть и Владимиром, Николаем. Формой мы занимались. И случайно про форму говорили много ненужного. Когда-то я говорил, что искусство состоит из суммы приемов, но тогда — почему сложение, а не умножение, не деление, не просто взаимоотношение. Сказано было наспех для статьи. Структуралисты делят произведение на слои, потом решают один слой, потом отдельно другой, потом третий. В искусстве все сложнее. Вместе с тем структуралисты, в частности наша тартуская школа, сделали очень много» (с. 82);

3) положение о тождественном пафосе синхронии и отрицании диахронии в науке о литературе — ср.: «Надо считать. Это делают структуралисты. Перед этим надо читать. Нельзя понять Достоевского, не зная эпохи, не зная беременность России великой революцией, и читать Толстого, не зная, что он говорит: социальная революция не то, “что может произойти”, а то, что “не может не произойти”. Не зная этого, нельзя анализировать ни Достоевского, ни Толстого» (с. 86–87);

4) положение о лингвоцентризме формализма, основанном на ключевых положениях соссюрианства, — ср.: «Структуралисты стараются понять литературу из законов слова, но мы-то начали с того, что слово различно; поэтическое слово — оно другое, чем слово прозаическое» (с. 90);

5) положение о психологической автономии литературного творчества — ср.: «Мое мнение: литература явление не только слова, она явление мышления. Толстой говорит, что слово не может быть основной частью романа. Но роман строится, как в старину говорили, на образах, тропах. Роман строится не на словах, а на понятиях — и понятиях движущихся — оспаривающихся сущностях. <...> Но прозой товарищи структуралисты не занимаются, потому что ясно, проза объясняется, разговаривая с нами не словами» (с. 101);

6) положение о национальной неспецифичности литературы, об эстетическом универсализме творчества — ср.: «Теория структуралистов интересна своей точностью. Она напоминает работу столяров, которые украшают дерево. По- своему это великая работа. Но мы, прожившие десятилетия на своей территории, знаем гул истории; перекличка эпох стучит в дверь. <...>» (с. 106);

7) положение о превалировании идеи культурного трансфера над идеей параллельного сближенного развития разных эстетических систем — ср.: «Интересно отметить, что то, что предлагают структуралисты, исключает возможность появления в разных странах, даже близких по языку, самостоятельных литератур» (с. 108);

8) положение о терминологической стабильности аналитического аппарата литературоведения — ср.: «У структуралистов возникновение большого количества терминов создает иллюзию, что уточняется анализ. Но такого рода анализ без учета смысловых соотношений мало что дает» (с. 129).

Последовательно указав на ряд теоретических допущений, по его мнению, имевших место в структурализме, Шкловский резюмировал: «Ошибки структуралистов — это ошибки людей, которые занимаются грамматикой и не занимаются литературой.

<...> Структуралисты разводят термины и полагают, что создают новую теорию. Говоря иначе, они занимаются упаковкой предмета, а не самим предметом» (с. 125)⁴¹.

Смерть Якобсона летом 1982 г. позволила Шкловскому на непродолжительный период времени стать монополистом и «диктовать условия», устанавливать конвенциональные рамки для интеллектуальной истории (до)советской авангардной культуры 1910–1930-х. По сути, Шкловский остался последним человеком, который не просто был живым свидетелем, но одним из ключевых участников культурной жизни тех лет, всегда готовым к живому и продолжительному разговору⁴². Шкловский знал это и активно пользовался своим положением и масштабом личности. По сути, ему был открыт столь соблазнительный путь творца интеллектуальной истории, создававшего ее в реальном времени, самостоятельно расставлявшего акценты и определявшего приоритетность тех или иных контекстов эпохи.

Публикуемый ниже разговор Шкловского с Катериной Кларк (Katerina Clark, 1941–2024) — не первый из числа известных. (Следует отметить, что в 1960–1980-е гг. Шкловский активно вступал во взаимодействия со специалистами, интересовавшимися культурной жизнью начала века, — «паломничество» к нему иностранных славистов, а также ряда советских филологов, уже в те годы стало

⁴¹ К сходной мысли пришла Л.Я. Гинзбург, которая в своем последнем интервью в 1990 г. так ответила на вопрос Л.Ю. Аркус: «Л. А.: ОПОЯЗ был скорее философской системой, литературным явлением, нежели научным методом. И за беспристрастностью формальной школы без труда различаешь безумие неизлеченного пафоса. А вот, скажем, в структурализме пафос успешно излечен: это холодное препарирование, интересное только специалистам.

Л. Г.: Да, но, может, Вы слишком строги к структурализму? Впрочем, я не разделяла его положений, и Вы правы в том, что ОПОЯЗ был силен теснейшей связью с литературой. Причём не только с литературой ему современной, но и с литературой прошлых веков, воспринимаемой с точки зрения современного человека» (Последнее интервью с Лидией Яковлевной Гинзбург / беседовала Л.Ю. Аркус // Сеанс. 2010. 15 декабря. URL: <https://seance.ru/articles/ginzburg/?ysclid=mmg2nksp76717097253>).

⁴² Очевидно, Шкловский — особенно в поздние годы — ждал отложенного безоговорочного признания собственного авторитета. Это видно уже по письмам середины 1970-х; ср. в письме к внуку из Ялты от 24 марта 1973 г.: «Переслали мне письмо из Сассекского университета, он в Англии, в Брайтоне. Он на берегу Атлантического океана. Зовут получить докторскую мантию. Спрашивают рост, объем груди, спрашивают о величине головы. Сенат университета утвердил мое избрание. Смеху-то сколько. Я не сдал в питерском университете ни одного экзамена. Занялся теорией сюжета потому, что об этом никто ничего не написал. Появилась, и не только на этом материале, формальная школа, потом структуралисты. Они сюжетом не занимаются, уверяя, что большая событийная форма не поддается науке. Это их наука имеет свой потолок. Если мне выпишут командировку, то я увижу средневековый ритуал посвящения в доктора. Это выпуск университета, сбор всех его членов. Но мне 80 лет. Академическая наука консервативной страны поняла меня через 50 лет с чем-то».

важной приметой начавшейся ревизии гуманитарного знания⁴³.) Так, в примечаниях к нескольким главам книги Кларк и Майкла Холквиста о Михаиле Бахтине, вышедшей в 1984 г., можно обнаружить ряд ссылок на интервью со Шкловском, которое датируется 25 марта 1978 г.⁴⁴ Этот факт свидетельствует о том, что в ходе сбора материала для книг Кларк тесно взаимодействовала с немногими свидетелями культурной жизни 1920–1930-х, дожившими до 1970–1980-х⁴⁵. Это же относится к ее исследованию «Petersburg, Crucible of Cultural Revolution» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), для работы над которым, по-видимому, и было взято публикуемое ниже интервью. Рассказы Шкловского были использованы Кларк и «распылены» по тексту ее книги либо в виде незаковыченных цитат, либо во фрагментарном пересказе, либо же использованы в качестве композиционно-смысловых паттернов. Эта книга о Петербурге, переведенная на русский язык в 2018 г. и напечатанная в «Новом литературном обозрении», уже на уровне общей концептуальной рамки обнаруживает определенное влияние Шкловского; кроме того, множество подробных выкладок и экскурсов, связанных с «творческой лабораторией» теоретика и не дублирующих напечатанные мемуарные свидетельства, также подчеркивают важную роль приведенного ниже разговора.

Сохранившаяся в личном архиве Шкловских-Корди машинопись была синхронно набрана А.Ю. Галушкиным 17 сентября 1983 г. (на множестве поздних аудиокассет слабый голос Шкловского часто заглушается стуком печатной машинки) и озаглавлена «Разговор к Кэтрин Кларк». Однако «разговора» как такового в ней нет: по всей

⁴³ В 1979 г. вышла целая книга интервью Шкловского Серене Витале: см.: *Šklovskij V.B. Testimone di un'epoca: Conversazioni con Serena Vitale*. Roma: Editori Riuniti, 1979 (у Витале сохранились магнитофонные записи этих разговоров со Шкловским). Кроме того, Стефано Гардзонио вспоминал об одном случае, имевшем место во второй половине 1970-х: «Во время пребывания Шкловского в Тоскане среди многочисленных выступлений были и интервью. В связи с одним интервью был записан текст под названием "Divagazioni sull'arte e sullo strutturalismo" ("Рассуждения об искусстве и о структурализме)", подготовленный к печати С. Синьорини и Д. Феррари-Браво. Текст должен был выйти в <...> журнале "Strumenti critici". К сожалению, русский оригинал интервью не был сохранен, и когда речь пошла об издании статьи, то меня, в то время студента-стажера в Москве, попросили показать В. Б. Шкловскому итальянский вариант текста и перевести ему обратно статью на русский для окончательного согласия на издание. В конце концов, Шкловский написал новый текст под названием "Путь из ада" с эпиграфом из "Декамерона")» [4, с. 186–187].

⁴⁴ См.: [12, p. 370, 375, 376].

⁴⁵ Среди них, например, Вяч. Вс. Иванов (Москва, 20 марта 1978 г.), Н.А. Волошинова (Ленинград, 19 ноября 1983 г.), Ю. П. Медведев (Ленинград, 21 ноября 1983 г.), Н.П. Медведева (Москва, 15 декабря 1983 г.), Л.З. Трауберг (Москва, июнь 1989 г.) и др. Подробнее об интегрированности Кларк в культурную ситуацию СССР и ее взаимодействиях с советскими интеллектуалами см. материалы мемориального блока, собранного В.Ю. Вьюгиным и Дж. Сипли, в журнале «Новое литературное обозрение»: Наследие Катерины Кларк // Новое литературное обозрение. 2025. № 5 (195). С. 7–95.

видимости, Галушкин не фиксировал вопросы Кларк и поэтому получившийся текст с жанровой точки зрения скорее можно определить как лирический монолог Шкловского. Следует отметить, что этот текст, как и все другие поздние, характеризуется цитатностью и отчасти сюжетной вторичностью, а описанные в нем события и ситуации зачастую реинтерпретируются, представляются иначе, чем в ранее опубликованных материалах.

Следует иметь в виду, что в это время Шкловский при деятельной помощи Галушкина занят работой над книгой по истории ОПОЯЗа⁴⁶, для которой собирались и выстраивались во временные и смысловые последовательности не раз воспроизводившиеся в его мемуарах сюжеты-«анекдоты» (разговор с Бодуэном де Куртенэ, ГИИИ, случай с рукой Поливанова, Хлебников и МЛК и проч.), которые казались самому Шкловскому яркими и интересными. Когда Шкловский пересказывал их Кларк без особых новаций, Галушкина в машинописной стенографии позволял себе просто отмечать место того или иного сюжета в ходе беседы, уделяя большее внимание логике построения рассказа, отдельным формулировкам и нюансам и их конфигурации в общем нарративе. Эта машинопись предназначалась именно для готовившейся книги про ОПОЯЗ, потому что Кларк самостоятельно вела запись (по всей видимости, ей даже не был передан второй экземпляр отпечатанного текста). Иными словами, предметом фиксации служили не конкретные фактические сведения (зачастую, как и в этом тексте, поданные неточно), а модальность повествования, общие методологические принципы построения истории формализма.

Текст «Разговора» печатается по подлиннику из семейного собрания Шкловских-Корди без сокращений с минимально необходимой смысловой и языковой редактурой, опущенные в машинописи слова приводятся в < >.

⁴⁶ Материалы, связанные с недописанной работой Шкловского, предполагаются нами к публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАЗГОВОР С КЭТРИН КЛАРК

17 сентября 1983 г.

В.Ш.: ...Петербург — город, построенный людьми, и признанными в своей стране, поэтому Петербург — город был очень передовой. Красивые здания, проспекты...

Но Петербург построен на болотах. И наводнения всегда были в городе. Рассказывают, что Петр, выбирая место для города, остановился у какой-то березы и сказал: здесь будет город. Хотя так сказал Пушкин. Финны-чухонцы, бывшие с ним, возразили Петру: вода здесь поднимается до высоты этой березы.

И Петр приказал срубить эту сосну <sic>. Но городу это не помогло.

И великий Гёте интересовался Петербургом и писал Петру, что город нельзя ставить на таком болотистом месте, его надо перенести в другое место.

Но Петербург, — а Петербург — это его сокращенное имя, состоящее его имя — Санкт-Петербург, и его он получил от названия крепости, — уже строился.

Тема призрачности, ирреальности города, возведенного на болотах, — стала темой русской литературы. И я не знаю, была бы у нас такая литература, не будь у нас Петербурга. И Пушкин, и «Медный всадник» его — это тема Петербурга, его наводнений, и Достоевский, и Некрасов, видевший на Сенной площади музу русской поэзии, и Андрей Белый...

Потом Петербург стал своим, его стали называть уже Питером, а слово это от финского «Пи-и-и-тер».

Потом он стал Петроградом, и позднее — Ленинградом.

Я родился еще в Петербурге, жил в Петрограде, но в Ленинграде я уже не жил и только иногда приезжал туда.

Город очень изменился.

Мы все жили рядом, и мы все ждали счастья. Счастье приходило не немедленно.

Невский проспект, когда я там жил, он был весь покрыт снегом. И была проложена тропинка. Был город, очень надеющийся на завтрашний день, что все будет хорошо. А завтрашний день приходил замедленно.

Про красоту Петербурга говорил Пушкин: «Люблю тебя, Петра творенье», а Достоевский говорил: «Нет, не люблю. Камни, глыбы...»

Я в Петербурге родился и любил его.

Формалисты — большинство — не из Петербурга. (Эйхенбаум — из Воронежа). Мы все были люди приезжие. Потому что город — молод. Для города 200–300 лет — это не много.

Потом я переехал из Петербурга в Москву. Там — издательства...

Я родился в Петербурге, потом он стал Петроградом, потом он стал Ленинградом. Потом была совершенно страшная блокада — осада.

У Эйхенбаума <сын> был убит, вероятно, под Сталинградом — Волгоградом. В Сталинграде убит сын Эйхенбаума.

Мы все воевали.

Гитлер — хоть мне и не хочется вспоминать это имя — объявил, что Германия и Австрия — это одна страна. И когда я был молод, то наша армия уже воевала с немцами. Они всегда приходили неожиданно для нас. И я воевал с ними. Сперва я был в университете, потом попал в армию. Пошел добровольцем. Захотелось изменить свою жизнь.

Был сильный университет, с хорошей и разнообразной профессурой. Был Щерба, Бодуэн-де-Куртенэ. Но был и Венгеров. Когда я поступал, меня спросили...¹ (Вы занимаетесь не литературой — а биографией писателя. А биография-то не литература. Литература — это не ряд биографий, как жили люди, а то, что они написали. Венгеров сам был биографическим человеком. Но его деятельность не имеет ничего общего с литературой. И если мне удастся это сделать, я буду доволен.) Я сказал, что я организую общество, которое докажет это, создаст новую теорию литературы. Так это и делается.

Потом был Гос<ударственный> И<нститу>т истории искусств.

Я родился на Знаменской улице, потом жил на Невском <проспекте>. И место рождения, и место работы уничтожены бомбами.

Я был футуристом, был связан с Маяковским, перед этим хотел стать скульптором. И вот меня на Невском проспекте встречает человек — он разговаривает с Маяковским, знакомится со мной, спрашивает: «Кто?» Я говорю: «Шкловский». Он переспрашивает: «Виктор?» Я говорю: «Да». А Маяковский говорит мне: «Знаешь, Витя, это уже известность. Он тебя выбирает».

Ходил я солдатом, я был на границе с броневиками, на войне с немцами я был в броневом дивизионе². И — по молодости страны — у нас были машины, но были маленькие бензобаки. Я приехал мальчиком. И что-то услышал. Я спрашиваю: «Это гром?» А мне старый солдат отвечает: «Да, это тот гром, который отрывает головы».

Это было недалеко от Карпат. На нас шли немецкие небольшие отряды с винтовками. Я был младшим унтер-офицером. Мы все были революционерами. Уже прошла революция, мы служили Временному правительству. Большая, быстро разрастающаяся партия коммунистов (эсеров).

И вот меня будят ночью — младшего унтер-офицера, который даже не имеет шинели, — говорят, что идет неприятель. Я вышел. И было у меня человек 50. Я сказал, что надо идти вперед. Никто не пошел. Тогда я пошел вперед. Так как мы тогда были убеждены, что все очень легко изменим — (так я вошел и в теорию литературы) — и вот передо мной немцы с винтовками, я иду на них — очень неопытный, но очень самонадеянный. Обернулся я в сторону окопов — я отошел метров 20–30 и вижу, что солдаты за мной пошли. Потому что выдержать зрелище, как один идет, — очень трудно.

Пошла стрельба, и мне прострелили живот³. Был большой бой. Впереди меня шли другие уже даже люди. Потом везли меня на двуколке, на которой развозят снаряды. Положили в лазарет, подходит врач, смотрит и говорит:

— В живот?

— В живот?

— Скажите адрес родителей.

— Почему?

— Вы же умрете.

Я говорю:

— Я не чувствую.

— Это вы все не чувствуете.

Меня не рвало. И он сказал:

— Но может быть вы выживете?

И я выжил.

Потом оказалось, что мне прострелили таз.

Я не долго болел. И потом вернулся в Петербург. Петербург был не взят. Петербург был убежден, что будет революция всемирная, — а ее так и не было, — что мы сперва завоюем мир.

Я был человеком, который думал, что все это поддается голосу, это можно переговорить.

Потом (?) я на Хлебной бирже на Невском проспекте выступал вместе с Хлебниковым, Маяковским, Бурлюками. Это были люди — провинциалы, которые приехали на революцию. Бурлюки были — как и многие тогда люди — из провинции. Из дельты Волги приехали Хлебников и Крученых, оттуда, из-за Волги.

Тогда наступали и поляки.

Это было тогда, когда Гумилев, — его потом расстреляли — это было латинское имя ГУМИЛЕ, имя университетское — он и поехал искать — он был офицер, георгиевский кавалер, воевал, очень смелый человек — его вызвали товарищи и назвали «товарищ». А он ответил: «Товарища Гумилева нет, есть офицер такой-то... такой-то». Это в то время было все равно, что подписать себе смертный приговор.

Потом сын его искал хазаров, о которых писал еще Пушкин, им мстил Олег. Хазаров этих мы не нашли.

(А этим хазаром был сам Хлебников). Про них писал и Хлебников.

Когда я проснусь черепом...

(Хаджи-Тархан?)

Он говорил о том, как он воскреснет — в новой стране. И Хлебников приехал — он еще не писал тогда — в Петербург. Он ходил в красной куртке. В чем было дело? Только что была революция 1905 года — молодежь была разбита, масса людей побывала в тюрьмах, или только собиралась там побывать. Скажем наудачу — Грин. Он был во флоте, потом участвовал в восстании, сидел в тюрьме, потом жил в Петербурге, я его знал тогда, когда он носил другую фамилию, потому что его преследовала царская полиция, — он прятался.

И мы думали так: что мы завоюем сперва Германию, потом Францию, потом Англию, — и будет мировая революция. Но она не произошла — как это ни странно.

Но эти движения — как и религиозные движения. Когда-то были масоны, был и Магомет, который «и пошел, и воевал». Это представление, что человек может сделать все, было общим. Это первые годы после революции.

И мы тогда нашли могилы даже этих хазаров. То ли Волга разлилась и смывала их. Оказывается, — оказалось, что история — длинная (и не делается сразу). И в одном стихотворении Маяковский пишет — который для меня совсем недавно убил себя — Маяковский в конце своих поэм часто рассказывал, как он воскреснет.

Был этот блеск

И это тогда называлось Невою⁴.

Или еще он писал: «Трижды воскрешенная...»

Как он пишет <в поэме «Про это» (1923)>, что приходит в Зоологический сад, и идет Лиля Брик, она воскреснет, она красива, она любила зверей. И вот они встречаются воскресшие (воскрешенные?). И не убитые совсем — они встречаются воскресшие. Как говорят христиане: «Радуйтесь и веселитесь, ибо ваша награда на небе будет».

Но мы того не увидели. Даже не заглянули туда.

Но думали — вот будет революция.

Революция была во всем — и в искусстве. Было так. И я был мальчиком, я приходил в маленькую типографию, расположенную в моем доме, приношу маленькую книгу — «Воскрешение слова» — это была маленькая типография, которая печатала визитные карточки. (Это была моя визитная карточка.)

Я спрашиваю: Можете ли вы меня напечатать?

Они говорят: Нет рабочих.

— А где они есть?

— А они сейчас — итальянцы.

— Это люди арестованные, потом освобожденные, голые, они носили широкие рубашки, потому что если вам придется поднимать руки, то узкая рубашка мешает. Они носили рубашки без... их так называли — за эти рубашки — итальянцами. У них был вид гарибальдийцев. Они ходили и работали, когда была работа.

И Маяковский потом одел <sic!> потом вместо черной рубашки — желтую, похожую на те, в которых ходили эти итальянцы.

Я спросил: А сколько у вас рабочих?

— Их нет.

— А набор?

— Тоже нет.

— А как же вы наберете мне книгу?

— Очень просто: у меня есть немного набора, я наберу и отпечатаю первый лист, потом мы разберем и опять наберем.

— А у вас могут быть опечатки?

— Нет, у этих итальянцев не бывает опечаток.

Это были мастера своего дела, Львы Толстые своего дела.

Кто-то говорил когда-то, что русские носят не только шапки, но и мозги набекрень.

Мы думали, что будет и еще... Так я напечатал первую книгу⁵.

И мы выступали, был страшный скандал, я говорил о воскрешении слова, о заумном языке. Вместе с футуристами. Кажется, я только еще собирался быть на первом курсе. Но вот я выхожу, спорю — скандал. Я выхожу после скандала, встречаюсь с Бодуэном-де-Куртенэ, который мне дает свою карточку — визитную — и Бодуэн-де-Куртенэ, король Иерусалима, его родственники первыми вошли в Иерусалим⁶ — король лингвистики тогдашней — он подошел ко мне после скандала и сказал: «Знаете, мне кажется, — это было на Хлебной бирже, около Николаевского вокзала — он пришел как зритель — этот кусок идет к Александрo-Невской лавре — зна-

ете что, мне нравится, что у вас есть свои окна в мир. То, что вы написали, — не дописано, но у вас окна в мир есть». (Открыл окно в заумный язык.) И он мне сказал, что у него бывает разговор с самим собой на заумном языке (внутри самого Бодуэна шел разговор на зауми и о зауми). И он сказал мне, что, может быть, бормотание началось раньше появления языка. Это крик так возникает.

Я писал тогда о заумном языке, руководясь книжкой о старообрядцах, раскольниках, о хлыстах, о людях, которые ищут забвения в песни, в истязании плоти, Я и сам видел <шинитов?> — они шли и избивали себя. А я потом видел, в Тифлисе, как на краю города шли сектанты и били себя саблями. Причем рядом шли другие люди с палками и они ставили палки так, чтобы тот себя не убил. Это было безумие. Мне вид этот был неприятен, но они мне понятны: отчего не побить себя саблями, по голове.

К. К.: Этим самым и занимались в литературе футуристы?

В. Ш.: Мы ждали победы. И мы наслаждались победой над старым искусством.

(Но я еще не знал Хлебникова, когда писал «Воскрешение слова», но с ним я познакомился еще до организации ОПОЯЗа.) Хлебников не принимал участия в вечерах ОПОЯЗа.

(Хлебников и Моск<овский> Лингвистический Кружок???)

В. Ш.: Маяковский был по отцу казак, были такие казаuchy украинские группы, которые то входили в Россию и сражались с царскими войсками, то уходили обратно в Турцию. (Забивали рот дерном.) Это был рот(д) Маяковского. Они приходили, потом мирились с властью, во время Петра, кажется, они попали на Кубань и жили там до Толстого, который потом описал их в «Казаках» и «Хаджи-Мурате» (может быть, он описывал и каких-то предков Маяковского).

Маяковский, когда я с ним познакомился, жил около Кутаиси. Он знал два языка, он — не то русский, не то грузин.

А мать Маяковского была из рода казаков, она была из казаков около Каспийского моря, о них писал Данилевский.

Маяковский тогда был коммунистом, а мать его была эсером. И устраивала побег женщине, из тюрьмы, которая находилась около Москвы-реки. И когда он жил в Москве, то он не мог прийти домой, потому что за ним был хвост, полиция его разыскивала как коммуниста, а у матери был хвост, который ее разыскивал как эсера. Эти две партии не могли встречать — как мать и сын. Я не видел квартиры Маяковского — он не имел ее. И до, и после революции.

У-
лица.
Лица
у догов
годов⁸.

Это описывается ночь бездомного, который ходит по улице, никуда нельзя войти, хотя у тебя есть квартира.

Маяковский был человеком бездомным.

Но пришла революция, и ему показалось, что это его дом, и он может дать революции голос. Потому что у революции нет языка, — а он даст ей его, разговорный язык.

Маяковский бывал в Петрограде.

А в университете я не учился. Я бывал там, но не учился. (Нечему было учиться.)

Мы были такие шальные люди, что у нас был свой университет — Гос<ударственный> И<нститу>т Ист<ории> Искусств. Мы сами его создали после революции. Это был дворец и на Зубовской площади, около Исаакиевского собора.

И<нститу>т этот был в какой-то мере нашим университетом. (Мы бросали старый университет и организовали свой.)

Когда стреляют, снаряды падают на землю и образуются воронки. Люди прятались там, думая, что лучше попасть в воронку, — снаряды не падают два раза в одно место.

Мы были воинственными литераторами.

В И<нститу>те были очень большие люди. Они были революционерами. И там была и университетская профессура. Был Томашевский, Жирмунский...

В возрасте — лет 20 — нигде не учившись, Шкловский стал профессором этого университета. Петербургский я так и не закончил.

Были люди и такие, как <Шилейко>, занимавшийся искусством Востока, Персии. Теперь они, создавшие письменность, теперь воюют друг с другом. Ольденбург. Там был человек, который хорошо подкованный <пропуск в тексте>.

Все квартиры людей из И<нститу>та, из ОПОЯЗа случайно помещались почти на одной улице. Я жил в Дзержинском и Саперном <переулках>, немного дальше жил Эйхенбаум, он жил на Знаменской, на Греческом проспекте, еще дальше, на Песках, жил Тынянов. Нас было немного, и мы думали, что «Дубинушка сама пойдет, потянем, потянем: и ухнем!» Нас было очень <мало, и> такая академическая школа — против нас. И мы были дружны (с ними). И через год

после <создания> своей организации (ОПОЯЗ) мы во французском энциклопедическом словаре — и карманном — это мне показал мой брат — Владимир — нашли заметку об ОПОЯЗе.

Был среди нас и Поливанов. Он был немного старше нас. (См. в гимназии — рука — «Братья Карамазовы»⁹ — знал все языки — как мы говорили — бутукудский язык — Африка — 2 месяца на изучение.) Он был коммунист. Ел опиум. И жена его ела. И даже собака хотела, но ей не давали, потому что это очень дорого. Он писал про языковые жесты¹⁰. И был он настоящим академическим человеком. (Лекция — подштанники — шинель — Вы ничего не понимаете — как вызов?)¹¹ И он был избран профессором. Ему простили подштанники в виду крайней гениальности. (Таблица Менделеева¹².) Показалось, как невольно рождаются повторения, как повторяются оружия у разных народов — Африки, Индии, Австралии — они оказываются похожими друг на друга. Потому что есть тайная связь искусств, потому что они иначе не могут существовать. Они появляются в одном виде — и исчезают — потом появляются в таком же виде — и тоже исчезают.

Необыкновенный человек, страшно работоспособный. Во время Кронштадтского мятежа, коммунисты-китайцы не пошли на давление. Но коммунист Поливанов собрал отряд корейцев — и атаковал Кронштадт. Он знал и этот язык.

Потом уехал в Среднюю Азию — за опиумом — там их было целое сообщество.

Он служил у нас в Иностранном министерстве, потому что удобно, когда человек знает все языки — не надо тогда держать многих.

Его арестовали — не давали опиума — и он повесился.

Через много лет был вечер Поливанова в Тбилиси, — рассказывал мне об этом Тынянов, — был человек, который знал его последнее время, у него были его бумаги, но он их сжег, — я не попал на это заседание, потому что я опять как-то месте <sic!> бегал — он их сжег, потому что я трус, — и не буду мужчиной, если расскажу об этом (рукопись о языках, которые разны, но как-то сползаются в одно, потому что есть законы не только возникновения языков, но и существования их) — у меня были обыски, должен говорить правду, какой бы она ни была.

(Впечатление о принятии наркотиков — попытки выйти за языковое сознание — Хаксли и др. ...)

Он не советовал мне пробовать, потому что если попробуешь, то уже не кончишь.

— Мне нравится, — говорил он, — что ты сам по себе.

В ГИИИ я преподавал. Издавал книги по теории прозы. Сейчас я написал заново. Я пишу книги до сих пор, и считаю, что это

не очень трудное занятие, потому что если рек<а> пошла, то она идет не только по своей воле, она идет по тому, что за ней идет вода. Мы не можем выдумывать себя. Я не думаю, что это единственный путь, но я думаю, что это неизбежный путь.

Думая, что это войдет в общее... Ледники, которые ждут на вершинах гор, когда будет какой-нибудь великий жар, будут обвалы, и мы дойдем до океана истинной науки — через реки.

Причем я нахожусь до сих пор в здравом уме и твердой памяти — как пишут в завещаниях.

И умер Якобсон. Последнее время он не писал книг, а писал статьи. Он очень талантливый человек. Когда распустили ОПОЯЗ, потому что это было (далее) невозможно (уже) делать, он написал из Праги письмо с предложением восстановить ОПОЯЗ под своим председательством¹³. 1927 год. И еще 10 лет мы переписывались. Мы встречались, когда он приезжал к нам.

(Нед<авнее> переиздание статей «Теории прозы» — новая теория прозы.) Прошло много лет, я многое додумал, но я от этого не отказываюсь...

Футиризм и ОПОЯЗ. Мы печатались в одном журнале <«ЛЕФ»>. Это были течения одного времени, это разные выражения (его) — выражения изменения мышления.

¹ По-видимому, была рассказана история, зафиксированная, например, в дневнике Н.Я. Эйдельмана: «Шкловский <рассказывал>: “Я только помню, что мы <с Оксманом> ходили по бесконечному (1 км) коридору 12-ти коллегий, не ходили на лекции, но знали все”. Тогда Венгеров проводил опрос — зачем поступаете? Шкловский написал: “чтобы создать новое литературоведение и уничтожить Венгерова”» (*Эйдельман Н.Я.* Из дневников // Знамя. 1999. № 1. С. 151).

² Подробнее см.: *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие: Воспоминания, 1917–1922. М.; Берлин: Геликон, 1923. С. 191–192.

³ Ср.: Там же. С. 76.

⁴ Из поэмы В. Маяковского «Человек» (1916–1917).

⁵ Об этом же сюжете см.: *Шкловский В.Б.* Жили-были. М.: Сов. писатель, 1966. С. 111.

⁶ См.: Там же. С. 94–95.

⁷ Хлебникову был посвящен знаменитый доклад Якобсона в МЛК; подробнее см. в подготовленной М.И. Шапиром публикации «О поэтическом языке произведений Хлебникова: Обсуждение доклада Р. О. Якобсона в Московском лингвистическом кружке» [8, с. 90–96, 766–773]; см. также смежные материалы: [8, с. 97–102, 773–777, 195–210, 792–803].

⁸ Из стихотворения В. Маяковского «Из улицы в улицу» (1913).

⁹ Подробно случай с отсечением руки Е.Д. Поливанова см.: *Шкловский В.Б.* Жили-были. С. 136.

¹⁰ См.: *Поливанов Е.Д.* По поводу «звуковых жестов» японского языка // Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Тип. 3. Соколинского, 1916. Вып. 1. С. 31–41.

¹¹ Ср. в «романе с ключом» В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), где Поливанов выведен под именем Драгоманова: «В свое время я полагал найти в нем достойного преемника Шахматова или Бодуэна. Его лингвистические работы по тонкости догадок человеческому уму почти непонятны. Третьего дня он явился на лекцию, прошу извинения, в подштанниках. Его подозревают — и не без оснований — в тайной торговле опиумом. Берегитесь его!» (Каверин В.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 1. С. 417).

¹² См.: Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 71.

¹³ По-видимому, имеется в виду письмо Якобсона к Шкловскому от 14 ноября 1928 г., см.: [10, с. 121–124]. О попытке несостоявшегося возрождения ОПОЯЗа см. статью А.Ю. Галушкина: [2, с. 52–81].

Литература

1. Галушкин А.Ю. Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 136–143.

2. Галушкин А.Ю. «Интересна каждая жизнь...». О русской литературе первой трети XX века: Избр. статьи и мат-лы. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 624 с. (Библиотека «Литературного наследства». Вып. 6).

3. Галушкин А.Ю., Фролов М.А. Слишком «Новое о Маяковском»: Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР 24 февраля 1959 г. // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–372.

4. Гардзонио С. Виктор Шкловский и Джованни Боккаччо: Об истории одной малоизвестной статьи Шкловского // Эпоха «остранения»: Русский формализм и современное гуманитарное знание / под ред. Я.С. Левченко и И.А. Пильщикова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 185–193.

5. Калинин И.А. Виктор Шкловский versus Роман Якобсон: Война языков // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 55–63.

6. Калинин И.А. Формальная теория сюжета. Структуралистская фабула формализма // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 97–124.

7. Майер Х. Игры траура: Категория «пунктум» в теории фотографии Ролана Барта и его отношение к остранению Виктора Шкловского // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 150–165.

8. Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998 / сост. Вяч. Вс. Иванов и др. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

9. Отяковский В.С., Цыганов Д.М. «Специальность его темна...»: Ремесло Виктора Шкловского // Шкловский В.Б. Собр. соч.: в 5 т. М.: Новое литературное обозрение, 2026. Т. 3: Ремесло / сост., вступ. ст. и коммент. В.С. Отяковского и Д.М. Цыганова. С. 7–20.

10. Роман Якобсон: Тексты. Документы. Исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. 918 с.

11. Ронен О. Audiatur et altera pars: О причинах разрыва Романа Якобсона с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 164–168.

12. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p.

13. *Jakobson R.* Formalistická škola a dnešní literární věda ruská: Brno 1935 / Ed. by Tomáš Glanc. Praha: Academia, 2005. 321 p.
14. *Jameson F.* The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972. XI + 230 p.
15. *Merrill J.* The North American Reception of Russian Formalism // Central and Eastern European Literary Theory and the West / Eds. M. Mrugalski, S. Schahadat, I Wutsdorff. Berlin: De Gruyter, 2023. P. 289–306.
16. *Sériot P.* Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. X + 353 p.
17. *Slobin G.* The Formalist Series “Masters of Contemporary Literature” and the Literary Polemic of the 1920s // Russian Formalism: A Retrospective Glance (A Festschrift in Honor of Victor Erlich). New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1985. P. 44–56.
18. *Steiner P.* Russian Formalism: A Metapoetics. Ithaca; London: Cornell University Press, 1984. 278 p.
19. *Thompson E.* Russian Formalism and Anglo-American New Criticism: A Comparative Study. The Hague: Mouton, 1971. 160 p.
20. *Tripiccone L.* Cold War Networks and the Scholarly Byt: How Russian Formalism Became an American Thing // Slavic Review. 2023. Vol. 82. № 4. P. 949–970.

Research Article and Publication of Archival Documents

Viktor Shklovsky and Western Slavists: On the Long Prelude to a Short Interview with Katerina Clark

© 2026. Dmitry M. Tsyganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

Abstract: This article attempts to outline the contours and possible directions for resolving a complex research problem that arose as a result of Viktor B. Shklovsky's long and often contradictory relationship with the Western humanities community. Drawing on epistolary writings, memoirs, the catalog of his personal library, and previously unpublished materials from the Shklovsky-Kordi family archive, it traces in detail Shklovsky's changing attitudes toward structuralism and the scholars associated with it. It examines the paradoxical nature of Shklovsky's intellectual biography: despite his lack of foreign language skills and a subjective sense of isolation from global scholarship, in the 1960s and 1970s Shklovsky became a key figure in Western structuralism, rediscovering the legacy of OPOYAZ. Particular attention is given to the polemical dialogue between Shklovsky and Roman O. Jakobson, during which two versions of the genealogy of the formal school and two strategies for constructing the history of humanities knowledge clashed. This article analyzes Shklovsky's reaction to the “structuralist challenge,” expressed

in programmatic interviews, the books “The Bowstring: On the Dissimilarity of the Similar” (1970), “The Energy of Delusion” (1981), “On the Theory of Prose” (1983), and private correspondence. It is shown that, while acknowledging the genetic connection between structuralism and the formal method, Shklovsky insisted on fundamental differences in understanding the nature of artistic structure, language, and the cognitive potential of art. It is concluded that in his late career, Shklovsky purposefully constructed his own version of the history of theory, defending the priority of OPOYAZ and the specificity of formalism as a special type of scientific thinking that is not reducible to the linguacentric model of structuralism. An unknown recording of a conversation between Shklovsky and Katerina Clark on September 17, 1983, is provided as a publication appendix to the article.

Keywords: Viktor Shklovsky, Roman Jakobson, Katerina Clark, western slavic studies, russian formalism, structuralism, intellectual history, history of science, history of soviet literary studies.

Information about the author: Dmitry M. Tsyganov, Research Fellow at the Manuscripts Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6633-3401>

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

For citation: Tsyganov, D.M. “Viktor Shklovsky and Western Slavists: On the Long Prelude to a Short Conversation with Katerina Clark.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 340–383. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-340-383>

References

1. Galushkin, A.Iu. “Eshche raz o prichinakh razryva V.B. Shklovskogo i R.O. Iakobsona” [Once Again About the Reasons for the Breakup of V.B. Shklovsky and R.O. Jacobson]. *Roman Iakobson: Teksty. Dokumenty. Issledovaniia* [Roman Jacobson: Texts. Documents. Research], ed. by H. Baran, S.I. Gindin. Moscow, RSHU Publ., 1999, pp. 136–143. (In Russ.)
2. Galushkin, A.Iu. “*Interesna kazhdaia zhizn'...*”. *O russkoi literature pervoi treti KhKh veka: Izbr. stat'i i mat-ly* [“Every Life is Interesting...”. On Russian Literature of the First Third of the Twentieth Century: Selected Articles and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 624 p. (Biblioteka “Literaturnogo nasledstva”. Iss. 6). (In Russ.)
3. Galushkin, A.Iu., Frolov, M.A. “Slishkom ‘Novoe o Maiakovskom’: Stenogramma zasedaniia Biuro Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR 24 fevralia 1959 g.” [Too “New about Mayakovsky”: Transcript of the Meeting of the Bureau of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences of February 24, 1959]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–372. (In Russ.)
4. Gardzonio, S. “Viktor Shklovskii i Dzhovanni Boccachcho: Ob istorii odnoi maloizvestnoi stat'i Shklovskogo” [Victor Shklovsky and Giovanni Boccaccio: On the History of One Little-Known Article of Shklovsky]. *Epokha “ostraneniia”: Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The Epoch of “Defamiliarization”: Russian Formalism and Modern Humanities], ed. by Ia.S. Levchenko and I.A. Pil'shchikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 185–193. (In Russ.)
5. Kalinin, I.A. “Viktor Shklovskii versus Roman Iakobson: Voina iazykov” [Victor Shklovsky versus Roman Jacobson: War of Languages]. *Vestnik SPbGU. Serii 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, iss. 3, 2016, pp. 55–63. (In Russ.)

6. Kalinin, I.A. "Formal'naia teoriia siuzheta. Strukturalistskaia fabula formalizma" [Formal Plot Theory. The Structuralist Fabula of Formalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (128), 2014, pp. 97–124. (In Russ.)
7. Maier, H. "Igry traury: Kategoriia 'punktum' v teorii fotografii Rolana Barta i ego otnoshenie k ostraneniui Viktora Shklovskogo" ["Games of Mourning": The Category of "Punctum" in Roland Barth's Theory of Photography and its Relation to Viktor Shklovsky's Defamiliarization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (159), 2019, pp. 150–165. (In Russ.)
8. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniia, 1911–1998* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research, 1911–1998], comp. V. V. Ivanov and other. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 880 p. (In Russ.)
9. Otiakovskii, V.S., Tsyganov, D.M. "'Spetsial'nost' ego temna...': Remeslo Viktora Shklovskogo" ["His Specialty is Dark...": The Craft of Victor Shklovsky]. In Shklovskii, V.B. *Collected Works: in 5 vols.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2026, vol. 3: Remeslo / ed. by V.S. Otiakovskii and D.M. Tsyganov, pp. 7–20. (In Russ.)
10. *Roman Jakobson: Teksty. Dokumenty. Issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts. Documents. Research], ed. by H. Baran, S.I. Gindin. Moscow, RSHU Publ., 1999. 918 p. (In Russ.)
11. Ronen, O. "Audiatur et altera pars: O prichinakh razryva Romana Jakobsona s Viktorom Shklovskim" [Audiatur et Altera Pars: On the Reasons for Roman Jakobson's Break with Viktor Shklovsky]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 23, 1997, pp. 164–168. (In Russ.)
12. Clark, K., Holquist, M. *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p. (In English)
13. Jakobson, R. *Formalistická škola a dnešní literární věda ruská: Brno 1935*, ed. by Tomáš Glanc. Praha: Academia, 2005. 321 p. (In Czech)
14. Jameson, F. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972. XI + 230 p. (In English)
15. Merrill, J. "The North American Reception of Russian Formalism". *Central and Eastern European Literary Theory and the West*, eds. M. Mrugalski, S. Schahadat, I. Wutsdorff. Berlin: De Gruyter, 2023, pp. 289–306. (In English)
16. Sériot, P. *Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. X + 353 p. (In French)
17. Slobin, G. "The Formalist Series 'Masters of Contemporary Literature' and the Literary Polemic of the 1920s". *Russian Formalism: A Retrospective Glimpse (A Festschrift in Honor of Victor Erlich)*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1985, pp. 44–56. (In English)
18. Steiner, P. *Russian Formalism: A Metapoetics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1984. 278 p. (In English)
19. Thompson, E. *Russian Formalism and Anglo-American New Criticism: A Comparative Study*. The Hague: Mouton, 1971. 160 p. (In English)
20. Tripiccone, L. "Cold War Networks and the Scholarly Byt: How Russian Formalism Became an American Thing". *Slavic Review*, vol. 82, no. 4, 2023, pp. 949–970. (In English)